

МАГЕЛЛАН

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Фелипе Фернандес-Арместо

Персона (Азбука-Аттикус)

Фелипе Фернандес-Арместо
**Магеллан. Великие открытия
позднего Средневековья**

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 94(460) + 94(728.2).02
ББК 63.3(0)

Фернандес-Арместо Ф.

Магеллан. Великие открытия позднего Средневековья /
Ф. Фернандес-Арместо — «Азбука-Аттикус», 2022 — (Персона
(Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-24718-5

Имя мореплавателя Фернана Магеллана навсегда вошло в историю в связи с первым в мире кругосветным путешествием 1519–1522 гг. Эта экспедиция сделала его знаменитым, но вернуться живым Магеллану было не суждено. В его честь названы пролив, птицы, галактики, кратеры, научные премии; его героический образ стал символом Великих географических открытий наряду с Колумбом, Васко де Гамой, Америго Веспуччи. Однако провалов на счету этого бесстрашного человека ничуть не меньше, чем заслуг: большая часть его кораблей была утрачена, подчиненные погибли или остались в чужих краях, амбиции пошли прахом. Те, кто восхищается Магелланом и его достижениями, зачастую не знают, кем он был в действительности. Книга британского профессора истории Фелипе Фернандеса-Арместо посвящена истории этого чрезвычайно сложного и опасного путешествия, которое оказалось провальным по сути, но сыграло огромную роль в развитии науки; а также неустранимому мореплавателю, командовавшему экспедицией. Автор развенчивает мифы, которые окружают это плавание, и показывает Магеллана во всей его неоднозначности – не только как героя, но как человека со своими достоинствами и недостатками. Данная книга выходит на русском языке в двух сериях под названиями «Магеллан: Великие открытия позднего Средневековья» (серия «Персона») и «Великие открытия позднего Средневековья: Магеллан» (серия «Исторический интерес»). В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(460) + 94(728.2).02

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-389-24718-5

© Фернандес-Арместо Ф., 2022

© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Предисловие	7
1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фелипе Фернандес-Арместо

Магеллан. Великие открытия позднего Средневековья

*Посвящается Обществу Ричарда Хаклита¹. Благодарность за
их 175-летний труд на службе изучения истории путешествий и
географических открытий*

Gradiamur simul, eroque socius itineris tui².

Felipe Fernández-Armesto
STRAITS
Beyond the Myth of Magellan

Опубликовано с согласия The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency
LLC

© 2022 by Felipe Fernández-Armesto

© Коробейников А.Г., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

* * *

Читатели узнают много нового не только о Магеллане, но и о том, чем
руководствуют люди, поддерживающие подобные начинания.

Manhattan Book Review

Фернандес-Арместо – прославленный историк, тщательно изучивший
дошедшие до нас источники... чтобы предоставить читателям, пожалуй,
наиболее обоснованный и подробный рассказ о жизни и образе мыслей
Фернана Магеллана.

CHOICE

Точный, отлично структурированный анализ участников экспедиции
Магеллана, их поступков и исторического контекста делает эту книгу
ценной для понимания не только самого кругосветного плавания, но и
геополитической обстановки в начале XVI века.

Hispanic American Historical Review

Предисловие

Неудача не делает человека счастливым, но может принести ему славу. Метафорически говоря, за распятиями часто следуют воскресения. Иногда падению придает величие частичный, но впечатляющий успех, как то было с Александром или Наполеоном. Магеллан – личность исключительная, поскольку его провал был полным. Но и его слава кажется непоколебимой.

Португальцы, среди которых он вырос, и испанцы, к которым он принадлежал по праву натурализации, называют его своим соотечественником. Но его в прямом смысле глобальное значение, кажется, превосходит любой национализм. Многие страны собираются отметить 500-летие со дня его гибели³. Его имя – судя по его популярности среди профессионалов в области PR – знают абсолютно все; оно вызывает ассоциации с наукой, предпринимательским духом и достижениями. Его имя с гордостью – или по меньшей мере с надеждой – носят роскошный круизный лайнер, дорогостоящая компания в области медицинского страхования, а также фирмы, занимающиеся финансовым менеджментом и аэрокосмическим приборостроением. В честь Магеллана была названа миссия НАСА на Венеру. В последней главе этой книги приведены еще более странные случаи использования его имени на пользу себе со стороны людей, в разной степени невежественных или малозначительных. Судя по количеству компаний и проектов, носящих название «Магеллан», он кажется подходящим символом.

Между тем список его провалов почти не уступает списку названий, данных в его честь. В ходе путешествия, сделавшего его знаменитым, большая часть кораблей была утрачена, а все его подчиненные, кроме горстки уцелевших, погибли или были оставлены на чужих берегах. Доход, якобы полученный экспедицией, – не более чем миф. Магеллан даже не добрался до своего предполагаемого места назначения. В своих попытках найти кратчайший путь от Испании до островов Пряностей он не просто провалился, а настаивал на провале, когда он стал уже практически очевиден. Его амбиции – заполучить доходное имение – пошли прахом, потому что он наделал чудовищных ошибок. Он никогда не задумывался о кругосветном путешествии (и не совершил его), однако общее мнение продолжает приписывать ему этот успех. Путешествие Магеллана в глазах его почитателей имеет универсальную значимость, как первая передача радиосигнала или первая высадка человека на Луну: путешествие считается вкладом в развитие науки, а не демонстрацией грубой силы и материальной эксплуатацией – такой же, как у большинства других покойных белых исследователей.

Его намерения были имперскими, однако Магеллан пока что избег постколониального пересмотра и мести. Его действия, пусть храбрые и решительные, были ничуть не менее кровавыми и разрушительными, чем у большинства последовавших за ним конкистадоров. Но он умер, не успев основать какую-либо колонию, и это явилось очередным его провалом. В результате в отличие, например, от Колумба или Кортеса он оказался вне критических стрел антиимпериалистов. Из всех славных или некогда славных европейских исследователей времен «века экспансии» Магеллан кажется самым подходящим героем – или хотя бы менее очевидным злодеем – в нашу постколониальную эпоху политически корректных исследований.

Во многих отношениях он заслуживал той высокой оценки, которую получил. Среди его выдающихся качеств можно назвать бесстрашие, целеустремленность, способность переносить трудности и приверженность благородной, рыцарской манере поведения, о которой он много читал и которую хорошо усвоил. Кроме того, он обладал трудноуловимой, но очевидной харизмой, которая завоевывала ему преданность друзей и последователей в моменты опасности и

³ Внушительный список юбилейных событий см. в: López-Calvo I. Magallanes, Elcano, la marca España y los resabios de nostalgias imperiales// Revista Communitas 3, no. 6. July-December 2019. P. 56–67.

трудностей – чего-чего, а этого в его жизни хватало. В его жизни, как мы увидим, можно найти множество причин, почему отважные исследователи заслуживают свою славу, даже если в их адрес выдвигаются настойчивые и анахронистические обвинения.

Но те, кто восхваляет Магеллана или пытается воспользоваться его славой, не знают, кем он был на самом деле. Им стоит поразмыслить лучше. Наиболее важные причины воздавать ему хвалу (о которых пойдет речь на этих страницах) отодвинуты в сторону причинами ложными. А человек, заинтересовавшийся Магелланом благодаря происходящим по всему миру празднованиям, которые достигли своего апогея в 2022 году, возможно, захочет отринуть мифы, найти правду и узнать больше о жизни путешественника и о его времени.

Источники не позволяют написать достаточно личную биографию, подобную жизнеописаниям Колумба или Веспуччи, потому что от Магеллана осталось мало его документов. Однако на страницах этой книги я постарался как можно тщательнее проанализировать все доступные нам тексты. В результате, как я считаю, мне удалось продемонстрировать личность Магеллана в большей степени, чем кому-либо из моих предшественников. В частности, я раскрываю развитие его характера, изменившегося со временем, а также указываю на оставшиеся доселе незамеченными источники, повлиявшие на его самовосприятие и послужившие ему образцом в формировании тех ценностей, что определили его временами непостижимое и путаное поведение. Его поступки, насколько можно о них судить по противоречивым повествованиям, описаниям и оценкам его современников, свидетельствуют о взаимодействии с миром, который его окружал; поэтому много времени я потратил на изучение контекста – начиная с мира, каким тот был во время Магеллана, во всяком случае в тех частях, где он жил, сражался и путешествовал.

Поскольку с уверенностью сказать нельзя почти ничего, а не самые достоверные предположения, мифы, умозаключения и прямая ложь закрепились в исторической традиции, я буду пытаться постоянно напоминать читателю о доказательствах и предлагать не соглашаться со мной, если я делаю предположение на основании собственного воображения и интуиции. Однако я должен отметить, что мои допущения основаны на доказательствах и опираются на длительное изучение темы. Впервые я начал работать с относящимися к делу источниками при редактировании *The Times Atlas of World Exploration* («Атласа Великих географических открытий The Times») около 30 лет назад. Я не работал для этой книги над главами, в которых фигурирует Магеллан, и сейчас не подписался бы под всем, что в ней сказано на эту тему. Но тот опыт разжег во мне интерес, с тех пор неугасимый. К истории Великих географических открытий я обращался постоянно и сейчас именно в общем контексте пытаюсь понять, что именно сделал Магеллан и до какой степени это имеет значение для современного мира.

По традиции всех предисловий я должен отчасти прибегнуть к самооправданиям. В некоторых местах, отраженных в тексте и критическом аппарате, я превысил обычные полномочия ученого, превратив косвенную речь в диалог. Надеюсь, привередливые читатели поймут, что в каждом подобном случае такой разрыв с научной традицией оправдан и что это позволяет оживить свидетельства и способствует лучшему пониманию событий. В главе 1, особенно при описании плаваний Магеллана по Индийскому океану и к берегу Суахили, я во многом основывался на своей предыдущей книге «1492». Настоящая книга главным образом писалась во время пандемии 2020–2021 годов, так что мне приходилось часто находиться в изоляции, что не всегда позволяло получить доступ к лучшим изданиям всех текстов. В подобных случаях я привожу в критическом аппарате как текст, которым пользовался в работе, так и более авторитетный его вариант, с которым впоследствии смогу при случае сравнить собственный источник. Переводил источники я сам во всех случаях, кроме отдельных оговоренных; однако, цитируя переводы рассказа Антонио Пигафетты о кругосветном путешествии, я использовал (опять же помимо отдельно указанных случаев) замечательную работу своего коллеги Теодора Кэчи. Он работал с изданием 1987 года, которое подготовила на основании самой авторитет-

ной рукописи известная поэтесса и критикесса Мариароза Масоэро (сам я не имел возможности свериться с этим изданием); я сравнил перевод со знаменитым изданием Мосто и включил в сноски перекрестные ссылки.

Постоянно сталкиваясь с написаниями «Магеллан», «Магалланес», «Магальяеш», трудно сохранить последовательность в передаче имен. Вариант «Фернан Магеллан» по меньшей мере имеет то преимущество, что знаком читателям во многих странах мира и исключает возможные стычки между испанскими и португальскими исследователями. За исключением имен испанских монархов (которые передаю в кастильском варианте по причинам, изложенным далее), я использую английские варианты имен. Для географических названий, изменившихся в ходе деколонизации, я привожу новые варианты при первом упоминании.

Было бы невозможно написать эту книгу в столь неблагоприятных обстоятельствах без предварительной работы издателей источников, указанных в критическом аппарате. Особенно я хочу поблагодарить тех, кто много работал над публикацией в интернете свежих и точных расшифровок или факсимиле хорошо известных документов, прежде всего Кристобая Бернала, Томаса Масона и Браулио Васкеса, а также их верных сотрудников в соответствующих архивах. Исследования, проведенные такими специалистами, как Ф. Борха Акинальде, Сальвадор Бернабеу, Хосе Мануэль Гарсиа и Хуан Хиль, дали в последние годы новые важные свидетельства или угол зрения. Иногда я не соглашаюсь с их интерпретациями, но без их трудов не было бы этой книги.

Я хочу также поблагодарить Гвидо ван Меерсбергена, благодаря которому появилась идея написания этой книги; Тессу Дэвид, которая убедила меня эту идею реализовать и дала ценные советы по поводу того, как это сделать; Эндрю Гордона, который благородно разрешил мне работать на сей раз с другим, конкурирующим агентом; Майкла Фишвика, Нильса Хупера, Франсиско Рейнкинга и Элизабет Магнус – самоотверженных и проницательных редакторов; а также Себастьяна Арместо, Теодора Кэчи, Джойс Чаплин, Криса Лэйна, Мануэля Лусену Хиральдо, Линкольна Пэйна, Карлу Ран-Филлипс и Санджая Субрахманьяна, которые были так любезны, что прочли эту книгу в черновиках полностью или частично и оказали мне большую помощь, указав на очевидные ошибки. Все возможные оставшиеся фактические несоответствия и неудачные выражения только на моей совести. Я благодарен коллегам, студентам и персоналу Университета Нотр-Дам за создание прекрасной среды для обучения и преподавания, а в особенности – сотрудникам Хесбургской библиотеки за то, что, несмотря на вирус, охвативший мир в период моей работы, они продолжали снабжать меня материалами. Эта книга не воспекает «великих людей», но у нее есть свои герои.

Калворт, Нортгемптоншир – Нотр-Дам, Индиана Январь 2020 – август 2021

1

Мир вокруг Магеллана Мир с 1492 по 1521 год

*И открылись источники моря, обнажились основания вселенной
от грозного гласа Господа, от дуновения духа гнева Его.*

2 Цар. 22: 16

«Пиши о том, что знаешь», – говорил Роберт Грейвс, который сам редко следовал собственной максиме. Эта фраза стала шиболетом для преподавателей литературного творчества, но при этом она кажется постыдной: слишком легкой, беспроblemной, ограниченной, нацеленной исключительно на успех. Напротив, неведомое притягивает как магнит: это приглашение к решению вечных запутанных проблем, соблазн отступающего горизонта, манящий Магеллана. Все это дало ему возможность придумать себе совершенно неправдоподобные истории, в соответствии с которыми он и пытался поступать в жизни. В грязных и пыльных классах, увешанных педантичными схемами, история – это «только факты». Для меня факты – лишь сырье для проблем, в первую очередь проблем нерешаемых, которые ускользают от тебя каждый раз, когда подступаешь к их решению.

Думаю, что о Магеллане я знаю столько, сколько вообще может знать современный человек. Я могу указать на противоречия в источниках. Я могу обвинить своих предшественников в ошибках и разобраться в хронологических неувязках. Я могу обратить внимание на самые разные детали, связанные с Магелланом: например, как и предыдущие исследователи, я знаю, сколько именно стрел (21 600) и магнитных игл компасов (35) фигурирует в описании кораблей Магеллана, сколько он взял с собой песочных часов (18 штук), бочонков с анчоусами и тонн хамсы⁴.

Я также считаю, что знаю – или с уверенностью могу предположить – многое о его внутреннем мире: о трагически непомерных амбициях, героическом самообмане, постоянно досаждающем чувстве собственной правоты, несколько извращенном чувстве юмора. Все это будет отражено на следующих страницах. Я могу описать то, как со временем менялся его характер, и воссоздать странную религиозную экзальтацию, сопутствовавшую ему в смерти. Но кое-что от меня все же ускользает. Магеллан был одним по меньшей мере из 150 человек, погибших во время его путешествия. Если вывести за скобки тех, кто выжил благодаря тому, что был оставлен по дороге или попал в плен, то уровень смертности составит около 90 %. Даже по стандартам того времени, когда чрезмерно оптимистичные путешествия часто заканчивались провалом, проект Магеллана выходит за всякие рамки. Объективно говоря, шансы не просто на успех, но даже на выживание были минимальными. Как мы увидим, за отданные жизни не последовало никакой компенсации. Несмотря на уверения предыдущих историков, баланс доходов и расходов не сошелся. Путешествие под руководством Магеллана не выполнило ни одной из заявленных целей.

Почему же такое чудовищное предприятие показалось привлекательным не только тем, кто непосредственно рисковал своей жизнью, но и пайщикам, вложившим в него свои деньги? Не уверен, что понимаю это или вообще могу понять. Жизнь в то время ценилась дешево, и причины этого во многом очевидны – со временем мы до этого дойдем. «Поднять паруса, – писал Луис де Камоэнс, много путешествовавший поэт, описавший в 1572 году в стихах пор-

⁴ Colección de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles / Ed. M. de Navarrete. Madrid: Imprenta Nacional, 1837, 4. P. 3–8.

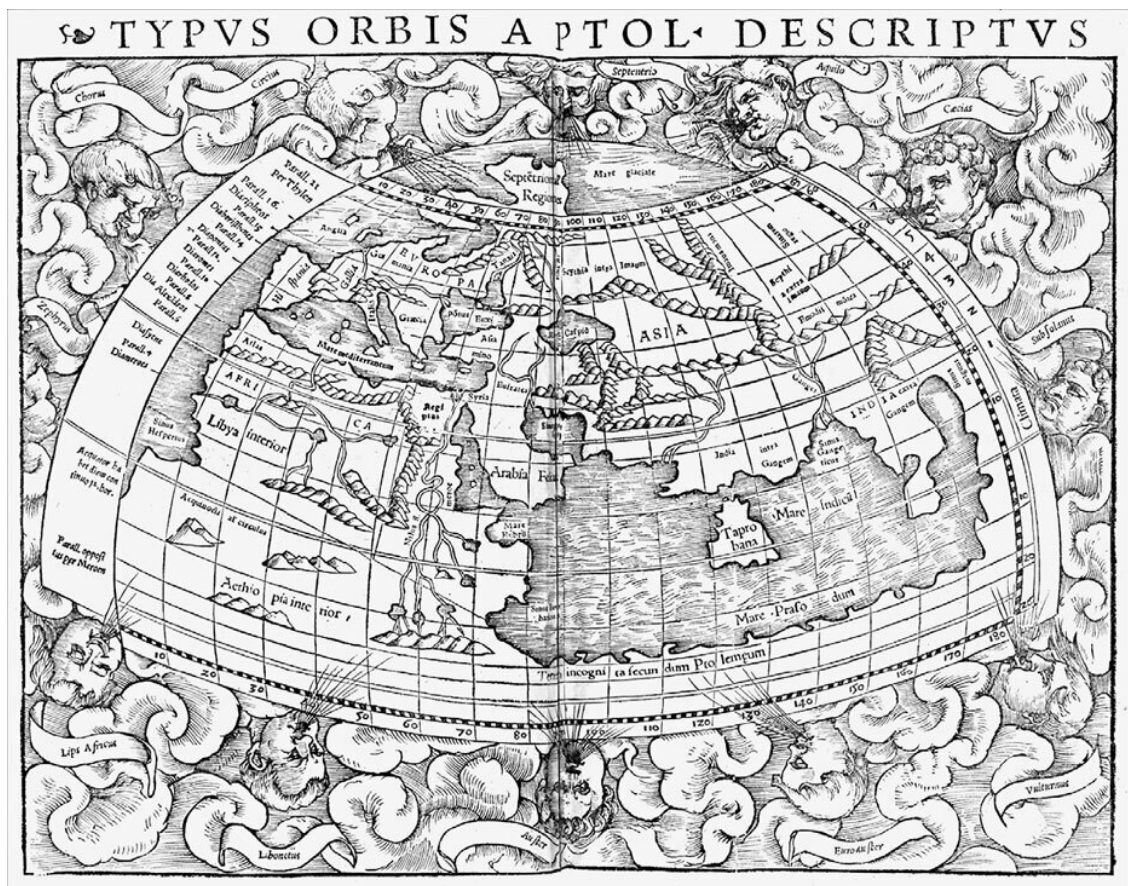
тугальскую историю мореплавания, – необходимо. Остаться в живых? Это уже излишне»⁵. Почему такое искажение здравого смысла могло казаться разумным? Почему жизнями моряков можно было пренебрегать – в гораздо большей степени, чем чьими-либо еще? Почему Магеллан и некоторые из его подчиненных продолжали упорствовать, даже когда перспективы становились все более мрачными? Что побуждало короля Испании и прижимистых купцов из Севильи и Бургоса верить в Магеллана? Почему они выложили деньги по предложению человека, который имел репутацию предателя, не обладал должным опытом, а его приятель-ученый Руй Фалейру, если бы его обследовали современные психиатры, был бы попросту признан сумасшедшим?

Чтобы разрешить эти проблемы, следует прежде всего попытаться разобраться в возможностях и ограничениях мира, в котором жил Магеллан.

Этот мир был полон парадоксов. В любом учебнике вы прочтете, что век Магеллана был «эпохой экспансии», временем поразительных новых открытий. В Европе в эпоху Возрождения началось обращение к античной классической традиции, которая готовила умы к новому искусству, новой философии, новым поискам и которая распространилась почти на весь земной шар, включая известные части Америки и Экваториальной Африки. Это было первое действительно глобальное интеллектуальное направление⁶. Когда Магеллан вышел в море, стала подавать первые признаки так называемая научная революция. Она позволила Западу, прежде отстававшему от Востока, поравняться с ним, а в некоторых отношениях (примерно в течение следующих 100 лет) и превзойти китайскую науку и технологии. Тем временем глобальный экологический обмен разбросал биологические виды по всему прежде разделенному миру: в новом окружении оказались люди, животные, растения и микробы. Историческая традиция упорно утверждает, что время Магеллана приблизительно совпало с «истоками современности»: распределение мировых религий и их деноминаций стало обретать современные очертания; некоторые из самых распространенных современных языков и литератур стали обретать форму, понятную и современным читателям. Крупнейшие мировые цивилизации – христианский, исламский и буддистский мир – стали расширяться в прямом смысле, обретать все новые территории и людей, тянуться навстречу друг другу в культурном смысле, распространять конфликты, коммерцию, контакты – и контактные инфекции.

⁵ Цит. по: *Lucena Giraldo M. Renaissances, Reformations, and Mental Revolutions // The Oxford Illustrated History of the World / Ed. F. Fernández-Armesto. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 273.*

⁶ *Burke P., Clossey L., Fernández-Armesto F. The Global Renaissance // Journal of World History 28. 2017. P. 1–30.*

Индийский океан, где в 1505 году начались морские приключения Магеллана, в то время был богатейшим в мире центром коммерции. Вплоть до 1490-х годов на большинстве европейских карт мира XV века Индийский океан изображался замкнутым и недоступным по морскому пути из Европы, за что следует сказать спасибо влиянию «Географии» чрезвычайно почитаемого в то время космографа II в. н. э. из Александрии Клавдия Птолея. Толкования его текстов определяли взгляды самых образованных европейцев конца XV века, как видно по данному примеру из «Космографии» Себастьяна Мюнстера: карта была создана в 1480-х годах, но перепечатывалась вплоть до 1550-х, притом океан по-прежнему показывался со всех сторон окруженным сушей. Ангелочки-путти дуют на мир с покрытого облаками небесного свода. Магеллан сохранил элементы описания Птолея, включая полуостров к востоку от Индии, здесь помеченный как «India extra Gangem» («Индия за Гангом»), и остров Тапробана, примерно соответствующий современной Шри-Ланке. Испанские космографы утверждали, что меридиан большого залива, подписанного «Sinus Gangeticus» («Гангский залив»), служит разграничительной линией для зон навигации, согласованных между Испанией и Португалией. Библиотека Джеймса Белла Форда, Университет Миннесоты

Как все это могло произойти в тот период, который был, помимо прочего, эпохой чумы и холода?⁷

⁷ Глобальное распространение малого ледникового периода подвергается сомнению (Houghton J. T. et al. Climate Change 2001, Working Group I, Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. sec. 2.3.3: Was There a 'Little Ice Age' and a 'Medieval Warm Period'? https://web.archive.org/web/20060529044319/http://www.grida.no/climate/ipcc_tar/wg1/070.htm), но свидетельства ледников Антарктиды и Южного полушария, судя по всему, с холодной беспристрастностью выступают в его пользу (Meyer I., Wagner S. The Little Ice Age in Southern South America: Proxy and Model Based Evidence Past Climate Variability in South America and Surrounding Regions // Developments in Paleoenvironmental Research 14. 2009. P. 395–412).

Казалось бы, странно было бы ожидать масштабных миграций, долгих походов или взрыва изобретательности в условиях общей суровости природы⁸. Климат и эпидемии задают контекст всего происходящего, причем климат имеет первостепенное значение, так как от него зависят болезни. Жизнь Магеллана пришлось примерно на середину одного из самых резких периодов прекращения глобального потепления со времен так называемого позднего дриаса (почти 12 000 лет назад). «Малый ледниковый период», продлившийся с середины XIV до начала XVIII века, причинил серьезный и вполне измеримый ущерб тем обществам, которые затронул: голод, частые войны, восстания, эпидемии. Холоднее всего было к его концу, что породило рассказы об ужасном оледенении всего подряд: от бороды французского короля до целых соленых морей⁹.

Во время карьеры Магеллана даже близко не было таких суровых условий или событий, а в первой половине XVI века температура, судя по всему, была более умеренной, чем до или после этого времени. Тем не менее в тех частях мира, для которых доступны количественные данные, весенние и зимние температуры были, как правило, в среднем на 1–2 °С ниже, чем мы считаем нормальным сегодня (судя по средним значениям первой половины XX века)¹⁰. Как мы увидим, команда Магеллана постоянно жаловалась на холод и по этой причине угрожала мятежом.

Холоду сопутствовали постоянные вспышки смертельных заболеваний¹¹. В то время люди называли все такие болезни чумой, объединяя в этом термине болезни, связанные со сложной экологией, блохами (переносчиками патогенов) и грызунами (их хозяевами)¹². Все эти болезни приносили неисчислимые страдания. С середины XIV до начала XVIII века (то есть в период, соответствующий малому ледниковому) никого в Европе не изображали с той же частотой, как Мрачного Жнеца при исполнении своих смертоносных обязанностей, выбирающего партнера по жуткому танцу без оглядки на возраст, пол или внешность¹³. В 1493 году, незадолго до того, как Магеллан стал пажом при португальском дворе, в «Нюрнбергской хронике» появился примечательный текст под изображением танцующих мертвецов в разной степени гниения. Они радостно демонстрируют разлагающуюся плоть и трясут костями, не обращая внимания на пожирающих их червей и выпадающие внутренности.

Ничто не может помешать их веселью. Так и хочется сказать, что мертвецы показывают joie de vivre – радость жизни. В тексте есть слова песни, под которую трупы поднимаются из могил: «Нет ничего лучше Смерти». Смерть справедлива, поскольку ожидает всех. Смерть милостива, потому что избавляет стариков от горестей. Посещая узников и больных, Смерть соблюдает заповеди Христа. Смерть милосердно освобождает жертв от страданий. Смерть мудро презирает земные блага и тщеславие обладающих властью и богатством.

⁸ Исследованием этой проблемы занимается Джеймс Белич. См. *Belich J. The Black Death and the Spread of Europe // The Prospect of Global History / Ed. J. Belich. Oxford: Oxford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198732259.003.0006>.*

⁹ *Lamb H. H. The Little Ice Age: Climate, History and the Modern World. London: Routledge, 1995. Fagan B. M. The Little Ice Age: How Climate Made History, 1300–1850. New York: Basic Books, 2001.*

¹⁰ *Pfister C. et al. Daily Weather Observations in Sixteenth-Century Europe // Climatic Change 42. 1999. P. 111–150.*

¹¹ Научный консенсус склоняется в пользу взаимосвязи эпидемий и низких температур. См. Eisenberg M., Mordechai L. The Justinianic Plague and Global Pandemics // *American Historical Review* 125. 2020. P. 1659, а также приведенные источники; *Fernández-Armesto F. The Perils of Environmental Truthfulness, 106. 2021. P. 41–65; Antonianum. From proceedings of the conference «Il Patto Educativo», chaired by G. Buffon and I. Colagé.*

¹² О чуме в целом см. *McNeill W. H. Plagues and Peoples, 3rd ed. New York: Doubleday, 1998. О «черной смерти» см. Dols M. W. The Black Death in the Middle East. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977; Benedictow O. J. The Black Death, 1346–1353. Woodbridge: Boydell Press, 2004; Pandemic Disease in the Medieval World: Rethinking the Black Death / Ed M. H. Green. Kalamazoo, MI: Arc Humanities Press, 2015 [special issue, *Medieval Globe* 1, no. 1 (2014)].*

¹³ *Uttinger B. and H. Itinéraires des danses macabres. Chartres: Garnier, 1996; Clark J. C. The Dance of Death in the Middle Ages and the Renaissance. Glasgow: Jackson, 1950.*

Когда эпоха чумы отступила, Смерть стала менее знакомой, и оттого, по всей видимости, ее стали меньше бояться. Сейчас смерти стараются избегать. О ней говорят эвфемизмами: «возлюбленный... скончался». Магеллан и его современники были знакомы со смертью не понаслышке, так что нам трудно их понять.

Постоянно возвращающиеся эпидемии в какой-то мере бросают вызов нашим представлениям о том, что их вспышки дают уцелевшим иммунитет. Однако противоречие может разрешить высокий темп микробных мутаций. Причиной многих, если не большинства эпидемий служила бацилла бубонной чумы *Yersinia pestis*. В бактериях чумы, сохранившихся в ДНК жертв чумы разных эпох, имеются и небольшие, и значительные ее вариации¹⁴. Однако неизменным оставалось одно: хотя причины, по которым преобладавшие в то или иное время штаммы бактерий так реагировали на изменение температуры, остаются неизвестными, несмотря на большое количество работ на эту тему, связь с похолоданием можно считать установленной. «Черная смерть» 1348–1350 годов последовала за понижением температуры в Северном полушарии. Отступление чумы совпало с возобновлением глобального потепления¹⁵.

Во взрослые годы Магеллана чума никуда не отступала, хотя население в Европе росло. В Англии произошли три вспышки «великой чумы», или «великого мора», только за два первых десятилетия XVI века. Судя по частоте, с которой городской совет Эдинбурга принимал карантинные меры вплоть до того, что мы назвали бы сейчас «локдауном», город с 1498 по 1514 год так и не избавился от чумы¹⁶. В Лейпциге в 1521 году знахари готовили «первые в истории Германии брендовые лекарства» именно от чумы¹⁷. В 1520 году в Базеле собралась настоящая международная медицинская конференция по вопросу мер ее предотвращения.

На Пиренейском полуострове во время самой суровой за время жизни Магеллана зимы 1505/06 года чума пришла в Эвору, Лиссабон, Порту и Севилью. В Барселоне эпидемии фиксировались в 1501, 1507, 1510 и 1515 годах. Эпидемии 1507 и 1510 годов распространились по всему восточному побережью Испании вплоть до запада Андалусии. Годы с 1507-го по 1509-й были, по некоторым данным, самыми смертоносными со времен «черной смерти». Вспышка 1507 года убила одну десятую всех каноников Кадисского собора, а андалусский священник и усердный летописец Андрес де Бернальдес утверждал, что только в мае случилось 30 000 смертей. Годом ранее из-за обвинений евреев в распространении чумы произошел погром в Лиссабоне¹⁸. Пока Магеллан плавал, чума возникла в Вальядолиде и перекинулась на Валенсию, Кордову и Севилью, где собирался его флот. Землетрясение 1519 года в Хативе и последовавший за этим чрезвычайно дождливый год считались современниками предвестниками новой чумы, разразившейся в Лиссабоне, Валенсии, Сарагосе и Барселоне, откуда она не уходила до 1521 года¹⁹. Чума и холод не затмевали и других традиционных причин страданий и смертей

¹⁴ Williamson E. D., Oynston P. D. F. The Natural History and Incidence of *Yersinia pestis* and Prospects for Vaccination // *Journal of Medical Microbiology* 61. 2012. P. 911–918; Achtman M. et al. Microevolution and History of the Plague Bacillus, *Yersinia pestis* // *Proceedings of the National Academy of Science* 101. 2004. P. 17837–17842.

¹⁵ В своей работе Snowden F. M. *Epidemics and Society from the Black Death to the Present*. New Haven, CT: Yale University Press, 2019. P. 80 автор придерживается иного мнения, но см. Parker G. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven, CT: Yale University Press, 2017, xix—xxiii. P. 1–23, 69.

¹⁶ MacLennan W. J. The Eleven Plagues of Edinburgh, *Proceedings of the Royal College of Physicians of Edinburgh* 31. 2001. P. 256–261, www.rcpe.ac.uk/journal/issue/vol31_no3/T_Eleven_Plagues.pdf.

¹⁷ Heinrichs E. A. The Plague Cures of Caspar Kegler: Print, Alchemy, and Medical Marketing in Sixteenth-Century Germany // *Sixteenth-Century Journal* 43. 2012. P. 417–440.

¹⁸ Oliveira L. L. de. *Viver em Lisboa: Século XVI*. São Paulo: Alameda, 2015. P. 40; Rodrigues T. *Crises de mortalidad em Lisboa, séculos XVI e XVII*. Lisbon: Horizonte, 1990. P. 16.

¹⁹ Villalba J. de. *Epidemiología española o Historia de las pestes, contagios, epidemias y epizootias que han acaecido en España desde la venida de los cartagineses hasta el año 1801*. Madrid, 1802; Pérez Moreda V. *La crisis de mortalidad en la España interior. Siglos XVI–XIX*. Madrid: Siglo Veintiuno, 1980. P. 248–249.

– например, в 1513 году засуха случилась в долине реки Гвадианы, а в 1515 и 1516 годах и на всем полуострове. В 1521–1522 годах всей Португалии угрожали засуха и голод²⁰.

Впрочем, в одном отношении карьера Магеллана совпала с беспрецедентно агрессивным ростом эпидемических заболеваний в мире: патогены Старого Света распространились на другие континенты наряду с иной биотой в рамках глобального экологического обмена, который спровоцировал Колумб, перевозя товары Старого Света в Новый и наоборот во время своих первых трансатлантических путешествий²¹. Прибытие испанских поселенцев (или, возможно, кого-то из последовавших за ними колонистов) на Эспаньола в 1493 году принесло на новые территории неизвестные болезни, с которыми не смогла справиться иммунная система туземцев. Последовал резкий рост смертности, и в 1519 году монахи, которым испанская корона поручила контроль за колониями, оставили надежду на то, что аборигены останутся живы²². Местные жители практически полностью вымерли. Ко времени путешествия Магеллана испанцы таким образом практически истребили жителей Карибских островов и принесли эпидемии и на сушу Центральной Америки. «Дыхание испанца» разносило болезни так эффективно, что уровень смертности доходил до 90 %²³. Жизнь ценилась дешево не из-за того, что на Земле в то время жило много людей. Эра Магеллана отличалась от нас не так уж сильно, однако люди меньше ценили жизнь и гораздо больше – смерть. В те времена смерть правила бал.

Так или иначе, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, в различных отдаленных друг от друга уголках мира происходило ускорение экономической активности и территориальных завоеваний. «Век экспансии» действительно начался, но дело было не в европейской экспансии, как утверждают многие историки, а в расширении мира в целом. Мир не ожидал пассивно, пока его мановением волшебной палочки изменят европейцы. Иные общества творили собственную магию, превращая государства в империи, а культуры в цивилизации. Вдали от постоянных эпидемий, приостановивших экономический рост в большей части Евразии, возникали государства, по сравнению с которыми католические страны Европы выглядели карликами. Едва ли не самые динамично и быстро развивающиеся общества XV века сформировались в доколумбовой Америке и Африке южнее Сахары. В плане территориальных завоеваний и военных успехов в сражениях с противником африканские и американские империи превосходили все европейские государства вплоть до установления всемирной испанской монархии в XVI веке.

Даже Испания и Португалия примерно за 30 лет до осуществления проекта Магеллана смотрелись бледно по сравнению с темпами расширения других империй. Ацтеки и инки превосходили испанцев как завоеватели, пока пришельцы из Европы необъяснимым образом не поглотили их империи буквально в один присест – всего за пару десятилетий начиная с 1520 года. Ацтекский правитель, встретивший Кортеса, был самым активным завоевателем в истории своего народа. Он оперировал войсками от устья реки Пануко до залива Соконуско, собирал дань – кукурузой, фасолью, какао, золотом, нефритом и перьями экзотических птиц – с 44 новых покоренных народов. Уайна Капак, умерший незадолго до вторжения испанских конкистадоров в Перу, превратил государство инков в одно из самых быстрорастущих в эпоху Магеллана, расширил его границы во всех направлениях, завоевал каранков на территории современного Эквадора и, как утверждается, утопил 20 000 побежденных воинов в озере Явар-Коча.

²⁰ Santos Pereira A. dos. The Urgent Empire: Portugal between 1475 and 1525 // Journal of Public Health 4, no. 2. Winter 2006. www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue8/html/apereira_main.html.

²¹ Crosby A. W. The Columbian Exchange. New York: Greenwood, 1972.

²² Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las posesiones españolas en América y Oceanía, 42 vols. / Ed. J. F. Pacheco, F. de Cárdenas, L. Torres de Mendoza. Madrid: Quirós, 1864–1884, 2. P. 373.

²³ Biraben J. N. L. Essai sur l'évolution du nombre des hommes // Population 34. 1979. P. 13–25.

Тем временем Россия в 1490-х годах расширяла свое государство к северу, отправляя экспедиции за Северный полярный круг и на восток от Камы и Оби. В то же десятилетие, когда Магеллан отправился в свое путешествие, царь²⁴ завоевал Смоленск и укрепился на Днепре. Пока Магеллан готовил свой флот, Москву в качестве посла Священной Римской империи посетил Сигизмунд фон Герберштейн. Он слышал пророчества некой непонятной шаманки, известной как Золотая старуха, которая предсказывала России будущее своего рода ледяного Эльдорадо, среди «людей чудовищного вида» и «рыбы с человеческим образом»²⁵²⁶.

Незадолго до того, как Магеллан отправился в свою великую экспедицию, турки захватили Египет и стали распространять свой контроль или влияние по всему южному побережью Средиземного моря. Тем временем в Западной Африке Аския Мохаммед Туре укрепил позиции империи Сонгай в обширной долине Нигера. В Восточной Африке, где Магеллан в 1510 году участвовал в военной кампании по обеспечению безопасности португальских прибрежных крепостей и получению доступа к торговле золотом, солью и слоновой костью, империя Мономатапа завоевывала земли от Лимпопо до Замбези. В 1520 году португальский посол в Абиссинии решил было, что нашел сказочное царство пресвитера Иоанна: так впечатлен он был тысячами красных шатров, в которых размещалась на переходах армия негуса. Имперские привычки распространялись по всему миру, а там, где империализма никогда и не было, образовывались новые империи.

Магеллан родился в небольшом государстве – Португалии, а умер в попытках создать великую империю для Испании. За время его жизни обе монархии, которым он служил, стали центрами формирования самых новых и динамичных империй мира, беспрецедентных по своему размаху и разнообразию входивших в них культур и среды. За время своей карьеры он побывал в таких местах, которые были недоступны предыдущему поколению. В молодости он восемь лет – с 1505 по 1513 год – провел в Индийском океане, барражируя близ берегов Африки и Индии и участвуя в строительстве Португальской империи, захватывая в 1511 году Малакку и узнавая о загадочных островах за океаном, которые станут центром притяжения его дальнейшей карьеры. С 1513 по 1517 год он сражался за Португалию в Марокко. Во время путешествия из Испании, начатого в 1519 году, он забрался на юг Атлантического океана дальше любой предшествующей европейской экспедиции, а затем, насколько нам известно, первым за одну экспедицию пересек Тихий океан и побывал на архипелагах, расположенных на его краю и ныне известных как Марианские острова и Филиппины. Мы совершим ознакомительный тур по местам за пределами Пиренейского полуострова, которые сыграли важную роль в жизни Магеллана, а в следующей главе вернемся к началу его жизни и образования.

В Северной Африке наиболее успешная в то время империя – Османская – никак не могла расширяться за пределы пустыни, ограничивавшей ее владения. К западу от Египта, вдоль африканского побережья Средиземного моря, процветало множество небольших государств, основанных на доходах от торговли или пиратства: здесь как раз был перекресток средиземноморского и сахарского торговых путей. Первым проливом, определившим жизнь Магеллана, был тот, что отделял западную часть Северной Африки от Пиренейского полуострова. Марокко, где он провел большую часть трехлетней военной кампании, было королевством на рубеже исламского мира, сдерживавшим натиск христиан. В 1465 году наследственные визири династии Маринидов совершили государственный переворот, но вынуждены были отражать натиск других претендентов из пустынных сект, некоторые из них утверждали, что якобы про-

²⁴ Речь идет о великом князе Василии III, который не был царем. Впервые царский титул принял его сын Иван IV.

²⁵ von Herberstein S. Notes upon Russia, ed. R. H. Major, 2 vols. (London: Hakluyt Society, 1852), 2:42.

²⁶ В русском издании подобное пророчество, видимо, отсутствует, а Золотая старуха – не шаманка, а идол (<https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/text6.phtml>).

исходят от пророка Мухаммеда. Последователи аль-Джазули, убитого суфийского имама, подняли в стране восстание, объезжая марокканские города с его набальзамированным трупом. Это ослабило государство перед вторжениями из Испании и Португалии. Для пиренейских монархов Северная Африка являлась естественной целью расширения собственного полуострова, легитимной зоной военных действий. В качестве оснований для завоеваний выдвигалось то, что в древности Северная Африка составляла одно политическое целое с Испанией и некогда была христианской землей, которую и необходимо отобрать у исламских узурпаторов. Португальцы стремились захватить порты к западу от Гибралтарского пролива. Там, как мы увидим, и служил Магеллан, обороняя новые португальские территории от новых наследников аль-Джазули – рода Саадитов из долины Драа в современной Западной Сахаре, утверждавших, что ведут происхождение от самого пророка, а в 1509 году объявивших джихад и организовавших конфедерацию племен, которая сперва фактически, а затем формально стала править Марокко.

Приключения Магеллана за Гибралтарским проливом были лишь кратким эпизодом в его заморской карьере, в основном проведенной в более отдаленных проливах, через которые проходили прибрежные маршруты Азии на берегах Индийского океана – от Ормуза до Малакки (сейчас пролив принято называть Молуккским) на восток.

Здесь жизнью управляет муссон. К северу от экватора зимой преобладают северо-восточные ветры. В конце зимы направление ветра меняется, и он, как правило, устойчиво дует с юга и запада, поглощаясь азиатской сушией, когда воздух нагревается и поднимается над континентом.

Регулярность системы ветров сделала этот океан древнейшей и богатейшей в мире зоной коммерческих дальних плаваний, чему завидовали сравнительно бедные и замкнутые христианские государства. Спланировав экспедиции так, чтобы воспользоваться предсказуемыми изменениями в направлении ветра, мореплаватели могли быть уверенными в том, что благоприятный ветер доставит их к месту назначения, а затем домой. Более того, в Индийском океане, по сравнению с другими удобными для навигации морями, постоянство сезона муссонов позволяло быстро передвигаться в обоих направлениях. Судя по сохранившимся древним и средневековым источникам, путешествие по Средиземному морю с востока на запад против ветра занимало от 50 до 70 дней. А при помощи муссона корабль мог пересечь весь Индийский океан от Палембанга на Суматре до Персидского залива за более короткий срок. За три-четыре недели от Индии можно было добраться в любой порт Персидского залива и обратно.

Муссон значительно ускорял плавание, но океан был бурным и небезопасным. Кроме того, в него было сложно войти, а затем сложно его покинуть. Летом с востока в океан было почти не попасть, поскольку у берегов бушевали тайфуны. Южные подступы охраняли яростные шторма. Никто из тех, кто знал славу этих вод, не совался в район между 10 и 30 ° южной широты и 60–90 ° восточной долготы в сезон ураганов. На протяжении большей части истории, таким образом, в этот торговый рай попадали только жители окрестных государств или немногие сухопутные путешественники из Европы или Армении. Более того, вся торговля была внутренней. Купцы Индийского океана совершенно не собирались выходить на своих судах за пределы системы муссонов и не интересовались другими рынками.

Одна вымышленная испанская мать советовала сыну: «Держись богатых – что-нибудь от них да отвалится» (*Arrimarse a los buenos por ser uno de ellos*). Европейцам очень хотелось найти способ прикоснуться к богатству региона, даже оставив за скобками привлекательные продукты, которые нельзя было найти где-либо еще. Однако в XV веке в регионе произошли значительные изменения, связанные с растущим всемирным спросом (и, соответственно, предложением) на специи и ароматические вещества, главным образом на перец. Эти продукты продавались богатым покупателям из Китая и Юго-Восточной Азии, а также, хотя в меньшей степени, из Европы, и были самыми прибыльными в мире из расчета цены на единицу

веса. Пока никому не удалось удовлетворительно объяснить причины, по которым произошел такой резкий рост спроса. На рынке доминировал Китай, обеспечивавший больше половины мирового потребления, но Европа, Персия и Османская империя стали поглощать еще больше. Конечно, сыграл свою роль рост населения, но увеличение спроса на специи, похоже, намного его опережало. Традиционное объяснение – дескать, повара маскировали специями вкус и запах подгнившего мяса – не выдерживает критики²⁷. В средневековом мире продукты были в среднем гораздо более свежими, чем в современных урбанистических и индустриальных обществах, а те из них, что не потреблялись сразу же, уже можно было надежно законсервировать. Говорилось об изменении вкуса, но никаких свидетельств этому тоже нет: моду на специи породил неизменный спрос на резкие вкусы, который виден и сейчас по успеху в мире мексиканской, индийской и сычуаньской кухни; те же обстоятельства и в то же время способствовали спросу на сахар, который стал популярен не из-за новизны вкуса, а потому, что на расширяющемся рынке сделался более доступен²⁸. Бум специй был частью общего, пока еще не до конца изученного резкого улучшения экономических условий по всей Евразии. Особенно заметно это стало в Китае, где повышение благосостояния сделало дорогие пищевые добавки доступными более широким слоям населения: смута, которая привела к воцарению династии Мин, улеглась и сменилась долгим периодом относительного покоя и внутренней стабильности.

Одним из последствий повышения спроса стало то, что производство специй началось на новых территориях. Перец, традиционно выращивавшийся на Малабарском берегу Индии, и корица, некогда ограниченная территорией Шри-Ланки, распространились по всей Юго-Восточной Азии. Перец в XV веке стал главным продуктом экспорта Малайзии и Суматры. Камфара, саппановое и сандаловое дерево, ладан и гвоздика – все, чему приписывалась медицинская и кулинарная магия, – вышли за пределы своего традиционного ареала. Тем не менее регионы сохраняли свою специализацию в достаточной степени, чтобы обеспечивать огромные доходы корабельщикам и торговцам. Коммерческие возможности Индийского океана не позволяли арабам, торговым сообществам суахили, персам, индийцам, яванцам и другим островитянам сидеть на месте. Однако они уже не справлялись с межрегиональной торговлей в условиях новых масштабов спроса. Вот почему они в целом благожелательно встретили в XVI веке пришельцев из Европы, хотя те вели себя грубо, по-варварски, а часто и просто жестоко: их появление добавило логистических мощностей, а следовательно, внесло свой вклад в общее увеличение благосостояния.

Парадоксальным образом бедность европейцев сыграла им на руку в конкуренции с местными торговцами: она стимулировала исключительно широкий по стандартам того времени охват территорий, вынуждая отправляться за море из-за ограниченности экономических ресурсов на родине и удешевляя их услуги по сравнению с обитателями берегов Индийского океана.

Искать способы попасть из Европы в Индийский океан очень даже стоило. Это сегодня Европа – магнит для мигрантов из более бедных стран. В дни Магеллана же все обстояло ровно наоборот: Европа считалась сравнительно бедной периферией, жителей которой в богатых обществах, располагавшихся в Азии на побережье океана, презирали как варваров. Европейские купцы мечтали заполучить долю на самых богатых торговых маршрутах и самых процветающих в мире рынках. Широко распространенное мнение о том, что первым в глубь Индийского океана проник в 1498 году Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, – вульгарная ошибка. Уже в Средние века итальянские купцы часто вели там торговлю, однако путь был

²⁷ *Freeman P.* Out of the East: Spices and the Medieval Imagination. New Haven, CT: Yale University Press, 2008.

²⁸ *Fernández-Armesto F.* Food: A History. London: Macmillan, 2001. P. 177–178.

слишком долгим, тяжелым и опасным, чтобы сулить большую прибыль. Из Средиземного моря европейским купцам нужно было попасть в Александрию, дальше двигаться вверх по Нилу и оттуда перебираться с верблюжьим караваном от первого или второго порога на побережье Красного моря, где им приходилось дожидаться наступления муссона, чтобы добраться до Адена или Сокотры. На севере Красного моря плавать нежелательно: навигация там была чрезвычайно опасной²⁹. Был и альтернативный маршрут: европейцы могли попробовать добраться через Османскую империю до Персидского залива, если дело происходило в краткий момент перемирия и передышки в религиозной вражде. В любом случае они все равно оказывались без собственных кораблей. Это ограничение было потенциально роковым, потому что европейцам практически нечего было предложить жителям бассейна Индийского океана, кроме услуг грузоперевозки.

Большую часть западных предпринимателей, работавших в Индийском океане до появления там Васко да Гамы, мы знаем только по случайным упоминаниям в архивах³⁰. Торговцы редко записывали свои впечатления. Сохранились, однако, два обстоятельных отчета XV века: первый был составлен Николо Конти, который в 1420-х годах добирался на восток как минимум до Явы, второй – генуэзцем Джироламо ди Санто-Стефано, совершившим столь же долгий путь с торговыми целями в 1490-х годах. В этих источниках описаны те условия, с которых начинали их португальские последователи, включая и Магеллана.

Конти решил добраться до Индийского океана по суше через Персию до Персидского залива, где сел на корабль до Камбея в Бенгальском заливе. Санто-Стефано избрал другой традиционный маршрут. Вместе со своим деловым партнером Джироламо Адорно он поднялся вверх по Нилу, пересел на караван до Красного моря и отправился через океан из Массауа – порта, находившегося в то время в основном под контролем Эфиопии.

Вернувшись, Конти обратился к папе за отпущением грехов: в Каире ему пришлось отречься от христианства, чтобы спасти жену и детей, которые ехали с ним³¹. Свою историю он пересказал одному флорентийскому гуманисту, который отредактировал ее в духе поучительного рассказа о непостоянстве фортуны. Когда Санто-Стефано в 1499 году описывал свои приключения в Индийском океане, он тоже сосредоточился в основном на жалобах на горькую судьбину, которая ополчилась на него «за грехи». Если бы ему повезло, он мог бы разбогатеть и почивать на лаврах, но состояние уплыло из рук, так что ему пришлось броситься к ногам покровителей – что, собственно, он и делал в своем рассказе. «Но кто может бросить вызов судьбе?» – спрашивал он³². Они с Адорно добрались до Северной Суматры, откуда морем отправились в Пегу в Бирме – вероятно, с целью принять участие в торговле драгоценными камнями. Дела шли у них чрезвычайно медленно. На обратном пути в Суматре местный правитель отобрал их груз, в том числе ценные бирманские рубины. В 1496 году Адорно умер «после двадцати пяти дней страданий» в Пегу, где «его тело было похоронено в какой-то заброшенной церкви, куда никто не приходил»³³.

Вполне логично, что Конти и Санто-Стефано, будучи купцами, описывали товары во всех местах, где бывали, проявляя особый интерес к специям и ароматам. Санто-Стефано рассказывал о сушке зеленого перца в Каликуте, изобилии корицы на Шри-Ланке, доступности перца на Суматре, расположении сандалового рынка на Коромандельском берегу Индии. Опи-

²⁹ *Brown J. C.* Prosperity or Hard Times in Renaissance Italy? // *Renaissance Quarterly* 42. 1989. P. 761–780; *Some Records of Ethiopia* / Ed. C. F. Beckingham, G. W. Huntingford. London: Hakluyt Society, 1954.

³⁰ *Lopez R.S.* Hard Times and Investment in Culture // *The Renaissance: A Symposium*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1953. P. 19–32.

³¹ *Goldstein T.* Geography in Fifteenth-Century Florence // *Merchants and Scholars: Essays in the History of Exploration and Trade* / Ed. J. Parker. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1965. P. 9–32.

³² *Major R. H.* *India in the Fifteenth Century*. London: Hakluyt Society, 1957. P. 10.

³³ Там же. P. 6.

сание Конти производства ароматического масла из плодов корицы на Шри-Ланке явно сделано по собственному опыту, хотя в других случаях он явно выдавал за свидетельство из первых рук то, о чем просто читал. Он рассказывал о камфаре и дурианах («Их вкус разнится, как у сыра»)³⁴ на Суматре. Особенно интересуясь драгоценными камнями, оба путешественника старались разузнать, где «растут» рубины, гранаты, гиацинты и хрусталь. Оба занимались и разведкой. Санто-Стефано заинтересовался разведением слонов для военных действий и подтвердил слова Конти о том, что властитель Пегу содержит у себя 10 000 боевых слонов.

Все их наблюдения выдают трезвый расчет. Однако там, где они поддаются обаянию экзотики, здравый смысл им изменяет. Они описывают мир наизнанку, в котором убийство – моральное деяние, змеи летают, чудовища ловят рыбу, зажигая на берегу костры, к которым она направляется неотвратимой силой, а в шахты запускают грифов и орлов для добычи алмазов³⁵. Некоторые их рассказы напоминают сказки о Синдбаде-мореходе, что свидетельствует о том, что авторы действительно получили знания о Востоке из первых уст. Тяга к сенсациям особенно видна по их одержимости сексом. Санто-Стефано описывал, как индийцы «никогда не женятся на девственницах» и предлагают потенциальных невест незнакомцам для дефлорации «на 15–20 дней» перед свадьбой. Конти тщательно перечислял гаремы великих правителей и высоко оценивал хладнокровие их жен, совершавших сати, то есть бросавшихся в погребальный костер своих умерших мужей.

В Индии он обнаружил огромное количество борделей, привлекающих посетителей «сладостными ароматами, притираниями, лстивыми речами, красотой и юностью», и сделал вывод о том, что индийцы «чрезвычайно привычны к распутству», но при этом мужская гомосексуальность «здесь излишня и совершенно неизвестна»³⁶. В бирманской Аве женщины высмеяли слишком маленький пенис Конти и посоветовали ему держаться местной традиции – засовывать под кожу с десяток золотых, серебряных или медных шариков размером примерно с небольшой фундук – «и с этими включениями и опуханием члена женщины испытывают самое утонченное удовольствие». Однако Конти отказался, «потому что не хотел, чтобы его боль стала источником удовольствия для других»³⁷.

В целом отчеты торговцев создают впечатление о мире изобилия и покоя. За Гангом, согласно переводу книги Конти, сделанному в эпоху Елизаветы I, люди «схожи с нами в обычаях, жизни и поведении; они имеют роскошные и чистые дома, вся их посуда и домашняя утварь вообще очень чиста; здешние придворные и богатые купцы ведут жизнь благородных людей, избегая злодейств и жестокостей»³⁸.

Если на Востоке чего-то и не хватало, так это оборота грузоперевозок, который удовлетворял бы нужды высокопродуктивной экономики и активной торговли региона. Санто-Стефано поражался связанным веревками судам, которые везли его по Красному морю и через Индийский океан. Но хотя эти суда были хорошо спроектированы, хорошо построены и отлично управлялись, их не хватало для перевозки всех необходимых грузов.

В результате в 1490-х годах Индийский океан находился в ожидании нового будущего, в котором европейские захватчики монетизируют свои преимущества. Чтобы это будущее сбылось, европейцам нужно было попасть в океан со своими кораблями. Поскольку на продажу им предложить было нечего, надо было найти другой способ ведения дел, и лучшим вариантом было участие в грузоперевозках. Без собственных кораблей такие купцы, как Конти и Санто-

³⁴ Там же. Р. 9.

³⁵ Там же. Р. 30.

³⁶ Там же. Р. 23.

³⁷ Там же. Р. 11.

³⁸ *Conti N. The Most Famous and Noble Travels / Ed. N. M. Penzer. London: Argonaut, 1929. P. 169.*

Стефано, мало чем отличались от бродячих коробейников. Индийский океан был так богат и производителен, так полон спроса и изобилен предложением, что на этот рынок могло выйти куда больше перевозчиков, чем их в то время существовало. Любой европеец, который дошел бы сюда с кораблями, наверняка бы сделал себе состояние.

Добиться этого можно было лишь одним способом – отправиться на судах вокруг южной оконечности Африки. Но возможно ли вообще было столь долгое и опасное путешествие? Выдержали бы его корабли того времени? Могли они взять с собой достаточно еды и воды? Более того, было даже не до конца понятно, получится ли таким образом попасть в океан. В то время самым уважаемым географом являлся Клавдий Птолемей, живший в Александрии во II в. н. э. Его «География» была излюбленным чтением по данному вопросу на Западе с начала XV века, когда текст сделался общедоступен. Его читатели, как правило, ошибочно полагали, что Индийский океан со всех сторон окружен сушей и попасть туда морским путем нельзя. На картах мира того времени отражались идеи Птолемея: океан рисовали огромным озером, окаймленным на юге длинной полосой земли, простирающейся от Юго-Восточной Африки вплоть до оконечности Восточной Азии. Сказочные богатства Индии и острова Пряностей находились внутри, как драгоценности в сейфе³⁹.

Хотя это представление и было ошибочным, его можно было понять. Торговцы, действовавшие в Индийском океане, придерживались надежных маршрутов, которые обслуживались предсказуемыми муссонами: это обеспечивало движение в обе стороны между большей частью торговых городов приморской Азии и Восточной Африки. Немного смысла отправляться туда, где океан сотрясают лавины штормов, или спускаться южнее Мозамбика, где на подветренные берега налетают бури. Там не было потенциальных торговых партнеров, а следовательно, и возможностей, ради которых стоило так рисковать. Путь в муссонную систему и из нее был практически закрыт.

Для тех же, кто пытался попасть в Индийский океан из Атлантического, подобных ограничений не существовало. Однако существовали другие, столь же серьезные. В 1487 году португальский путешественник Бартоломеу Диаш сумел преодолеть мыс Бурь у южной оконечности Африки. Как считается, португальский король из рекламных соображений и своеобразного нахальства лично переименовал его в мыс Доброй Надежды⁴⁰. Однако надежда была слабой, а бури сильными. Пройдя мыс, Диаш столкнулся с противотечением и опасными подветренными берегами. Путь в Индийский океан был по-прежнему закрыт. Кроме того, Диаш так и не продвинулся достаточно далеко, чтобы доказать, что океан не окружен сушей со всех сторон. Все, чего он добился, так это доказал, насколько трудно путешествие к южной точке Африки. Чтобы избежать встречного течения у берегов Западной Африки, его последователям приходилось углубляться далеко на юг Атлантического океана – дальше от дома, дальше в море, чем любым другим путешественникам, – в поисках западных ветров, которые помогут им обогнуть мыс. Поэтому, пока Диаш исследовал морской путь, португальская корона по суше направила агентов в Индийский океан знакомыми дорогами, чтобы собрать данные и в первую очередь понять, действительно ли океан все же открыт с южной стороны. Возглавил эти усилия Перу да Ковильян. Он был одним из тех бедных, но даровитых дворян, кто постоянно пересекал туда-сюда открытую границу между Португалией и Кастилией. Он провел несколько лет в Севилье, где служил у кастильского графа (впоследствии герцога) Медины-Сидонии. Вероятно, то была полезная школа. Граф инвестировал в завоевание Канарских островов и являлся крупной фигурой в производстве сахара и вылове атлантического тунца. Когда между двумя королевствами в 1474 году разразилась война, Ковильян вернулся в родную Португалию служить сво-

³⁹ Washburn W. E. A Proposed Explanation of the Closed Indian Ocean on Some Ptolemaic Maps of the Twelfth-Fifteenth Centuries // Revista da Universidade de Coimbra 33. 1985. P. 431–441.

⁴⁰ Parry J. H. The European Reconnaissance. London: Macmillan, 1968. P. 68.

ему королю. Задания неизвестного характера – то ли шпионаж, то ли дипломатия – привели его к магрибским дворам, где он выучил арабский.

Примерно в то же время, когда Бартоломеу Диаш отправился на поиски прохода в Индийский океан через Атлантический, Ковильян вместе с Афонсу де Паивой отправились по Нилу через Эфиопскую пустыню в порт Зейла на Красном море. Во время своих путешествий он доходил на восток до Каликута и на юг, возможно, до Софалы на побережье Мозамбика, откуда в Индийский океан вывозилось восточноафриканское золото. В конце 1490 года он вернулся в Каир, откуда послал отчет домой о своих результатах. Тот не сохранился. Затем Ковильян обратился к новому аспекту своей миссии – установлению дипломатических контактов с двором правителя Эфиопии, который оставил португальского посланника при себе. Когда в 1520 году в Эфиопию прибыло новое португальское посольство, Ковильян все еще был там⁴¹.

Судя по тому, что последовало за отчетом Ковильяна, в нем содержались полученные на месте сведения о том, что Индийский океан все же открыт с юга. В 1497–1498 годах португальский король – возможно, на средства итальянских банкиров – снарядил торговую эскадру, целью которой было благодаря западным ветрам Южной Атлантики пробиться в Индийский океан. Руководитель экспедиции Васко да Гама приказал повернуть на восток слишком рано и испытал большие сложности с прохождением мыса Доброй Надежды. Так или иначе, он все же сумел попасть в Индийский океан и добраться до богатого перцем Малабарского берега. Следующая экспедиция, в 1500 году, добралась до Индии уже без особых проблем. Путь в океан, где началась карьера Магеллана, был проложен.

Что ждало его там? К югу от Эфиопии побережье Суахили было усеяно торговыми городами-государствами. Там Магеллан находился на португальской службе в 1506 году во время кампании по защите торговых постов. Это были первые кусочки пазла городов на берегу Индийского океана, в которых он побывал или о которых услышал в течение последующих полутора десятилетий перед своим великим путешествием через Тихий океан. Руководство по навигации в Индийском океане, которое прежде приписывалось самому Магеллану, соединяет их⁴²: торговые порты побережья Суахили, где Магеллан дебютировал, – Килва, Момбаса и Малинди; Персидский залив и остров Сокотра, расположенный на пути из этого залива в океан; Мальдивские острова, трудные для плавания, где Магеллан в 1510 году потерпел крушение, но уцелел; материковую Индию и главным образом ее западное побережье, где португальцы во времена Магеллана были наиболее активны; Малакку, которую он помог превратить в форпост Португальской империи; Молуккские острова, к которым направлялся в своем великом путешествии; и Филиппины, где хотел основать собственное королевство, но погиб. Мы посетим все эти пункты по очереди.

Расхожее представление о том, что порты побережья Суахили служили пристанищем морякам, ходившим по океанам, излишне упрощено. На протяжении многих поколений народы суахили в ответ на расизм своих западных хозяев подчеркивали свои культурные и торговые связи с Аравией и Индией. После обретения независимости некоторые их сухопутные соседи решили взять свое, трактуя жителей побережья как колонистов, как в свое время жившие в глубине материка народы Либерии и Сьерра-Леоне восстали против переселенцев из числа освобожденных рабов в Монровии и Фритауне, посчитав их пришлой элитой. В Кении политики-демагоги требовали изгнать суахили, словно иностранных захватчиков. Однако язык суахили, пусть и приправленный арабскими словами, – это близкий родственник других языков банту. Те, кто говорит на нем, явились на побережье из глубины материка тысячи лет назад

⁴¹ The Prester John of the Indies, 2 vols. / Ed. C. F. Beckingham, G. W. B. Huntingford. Cambridge: Hakluyt Society, 1961, 2. P. 369.

⁴² Descripción de los reinos, puertos e islas que hay desde el Cabo de Buena Esperanza hasta los Leyquios / Ed. A. Blázquez y Delgado-Aguilera. Madrid: Torrent, 1921.

и сохраняли связи с сухопутными народами, даже сосредоточившись на торговле по Индийскому океану⁴³.

Береговое местоположение городов суахили создает ошибочное впечатление: на самом деле близость пресной воды и начинающиеся здесь маршруты в глубь континента были важны не меньше, чем доступ к океану. Местная элита, как правило, выдавала дочерей замуж за своих деловых партнеров на материке, а не за иностранных купцов. Хорошие пристани имелись в немногих городах. Город Геди, или Геде, занимавший площадь 18 акров внутри трехметровых стен и располагавший дворцом более 30 метров в длину, вообще находился в шести километрах от моря. Некоторые купцы суахили пересекали океан⁴⁴, но по большей части они торговали по собственному побережью и часто посещали внутренние регионы, где закупали золото, древесину, мед, ароматическое вещество цибет, рог носорога и слоновую кость. Затем они продавали все это арабам и индийцам, которые везли товары через океан. Они были классическими посредниками, которые, видимо, сочли риски трансокеанского плавания излишними, раз уж покупатели являются к ним сами⁴⁵. Одним из крупнейших торговых городов суахили был Килва: благодаря муссону трансокеанские купцы могли добраться туда за один сезон. Порты дальше к югу, такие как Софала, славились изобилием золота, но попасть туда можно было только после длительного ожидания перемены ветра, обычно как раз в Килве. Индийские купцы редко ходили дальше Момбасы или Малинди, где продавались товары со всего побережья вплоть до Софалы, а платить за них можно было тонким шелком и хлопком.

В начале XVI века посещавшие побережье Суахили португальцы отметили, что суахили связаны с жителями глубин материка своеобразными отношениями любви-ненависти. Они нуждались друг в друге для успешной торговли, однако религиозная вражда между мусульманами и их соседями-язычниками довела их до войны. Именно поэтому, как отмечал Дуарте Барбоза, шурин Магеллана⁴⁶, прибрежные жители строили «города, хорошо укрепленные каменными и кирпичными стенами, ведь они часто воюют с сухопутными язычниками»⁴⁷. Были и материальные причины конфликта. Суахили нуждались в плантациях для выращивания пищи и рабах для услуги – то и другое достигалось ценой ущерба, наносимого соседям. Береговые и материковые народы столь же часто совершали друг на друга набеги и требовали дань, сколь и торговали. Когда в начале XVI века на побережье Суахили прибыл Магеллан и его спутники, то у них сложилось впечатление, что в Момбасе, величайшем из портовых городов Восточной Африки, чрезвычайно боятся своих соседей – «диких», пускающих отравленные стрелы мусунгулов, у которых «нет ни закона, ни короля, ни других радостей в жизни, кроме краж, разбоя и убийства»⁴⁸.

Для португальских пришельцев порты суахили стали важной вехой на пути в Индию, где в 1505 году Магеллан впервые принял участие в боевых действиях. По дороге лежали Мальдивские острова, где Магеллан однажды провел некоторое время на необитаемом острове, когда его корабль в 1510 году затонул, и их часто посещали купцы: здесь можно было поменять оснастку – тут в изобилии делались веревки из кокосового волокна – и купить раковины каури, высоко ценившиеся в Индии. Низко расположенные над уровнем моря и потому опасные для

⁴³ Pearson M. N. *Port Cities and Intruders: The Swahili Coast, India, and Portugal in the Early Modern Era*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

⁴⁴ Beaujard P. *Progressive Integration of Eastern Africa into an Afro-Eurasian World-system // The Swahili World / Ed. S. Wynne-Jones, A. LaViolette*. London: Routledge, 2018. P. 375.

⁴⁵ Walz J. *Early Inland Entanglement in the Swahili World, c. 750–1550 CE // Swahili World / Ed. S. Wynne-Jones, A. LaViolette*. London: Routledge, 2018. P. 388–402; Kusimba C. M., Kusimba S. B. *Mosaics: Rethinking African Connections in Coastal and Highland Kenya // Swahili World / Ed. S. Wynne-Jones, A. LaViolette*. London: Routledge, 2018. P. 403–418.

⁴⁶ *O livro de Duarte Barbosa / Ed. Maria Augusta da Veiga e Sousa, i*. Lisbon: Ministério da Ciência e da Tecnologia, 1996. P. 15–17. Благодарю за это наблюдение профессора Санджая Субрахманьяна.

⁴⁷ *The Book of Duarte Barbosa, 2 vols. / Ed. M. L. Dames*. 1918, 1921. 1. P. 29.

⁴⁸ Pearson. *Port Cities and Intruders*. P. 119.

неопытных штурманов, острова часто становились местом кораблекрушений. Самый неприятный случай еще до Магеллана произошел с Санто-Стефано. Пытаясь вернуться домой хотя бы с тем немногим, что у него еще оставалось по итогам странствий, он шесть месяцев ждал на Мальдивах наступления муссона. Но когда муссон наступил, с ним начались такие дожди, что под весом воды с неба суденышко Санто-Стефано затонуло: «Те, кто умел плавать, спаслись, а остальные утонули»⁴⁹. С утра до вечера злополучный коммерсант держался на плаву на обломках судна и был наконец спасен шедшим мимо кораблем.

Неутомимый путешественник XIV века Ибн Баттута в 1340 году получил предложение остаться на Мальдивах надолго: местные жители были так впечатлены его ученостью, что попросили его стать главным судьей в Мале – крупнейшем поселении островов. Вознаграждение, получаемое за эту работу, – жемчуга, драгоценные камни, золото, юные рабыни, знатные жены, пользование лошадью и паланкином – позволяет предположить, что острова процветали. Однако культурный уровень новоиспеченных сограждан расстроил Ибн Баттуту, который занимался внедрением законов шариата: приказывал рубить руки вора, пороть тех, кто уклонился от пятничных молитв, и наказывать отступивших от исламских обычаев в одежде, которой на мальдивцах было, на его взгляд, слишком мало, и в сексе, которого было как раз слишком много⁵⁰.

Возможно, из-за большого количества иностранных купцов, соперничающих за влияние, или из-за множества группировок местной знати, скопивших большие состояния и значительные амбиции, Мальдивские острова славились на весь океан своей нестабильной политической ситуацией. Когда Магеллан попал сюда, султан Калу Мухаммед непрочно сидел на шатком троне, с которого его периодически смещали враги, пользовавшиеся покровительством правителя Каннанора, для которого острова были важны как центр торговли перцем⁵¹.

Каннанор (ныне Каннур) был частью довольно турбулентного мира полуострова Индостан. Здесь португальцы тоже могли воспользоваться политической разделенностью, которая шла на руку новоприбывшим, а также противоречиями между индуистами и мусульманами. Некогда доминировавший во всей Индии Делийский султанат так и не оправился от неудач середины XIV века. Вплоть до 1525 года, когда мусульманские завоеватели, придя из Афганистана, смогли захватить большую часть Индийского субконтинента, здесь процветали индуистские государства, часто сражавшиеся с исламскими соседями и врагами. Разумеется, все эти государства никак не были затронуты мусульманством. В некоторых кругах ислам встречал скептицизм. Например, Кабир из Бенареса, которого считают своим как индуисты, так и мусульмане, был скорее поэтом светского направления:

Чувствуя власть, ты обрезаешь себя —
Но я не могу этого понять, брат.
Если твоему Богу угодно обрезание,
Почему ты с ним не родился сразу?

Индуисты в глазах Кабира были немногим лучше:

Если эта одежда делает тебя брахманом,
То что наденет твоя жена?..
Индуисты, мусульмане, откуда они все взялись?⁵²

⁴⁹ Там же. P. 8.

⁵⁰ The Adventures of Ibn Battuta: A Muslim Traveler of the 14th Century / Ed. R. E. Dunn. Berkeley: University of California Press, 2005. P. 231–240.

⁵¹ Santos J. M. dos. Kalu Muhammad Hilali, Sultan of the Maldives (1491–1528) // Archipel 70. 2005. P. 63–75.

⁵² Asher C. E. B., Talbot C. India before Europe. 2006. P. 107.

В деле противостояния распространению ислама отвращение было более эффективным, чем скептицизм. Индуисты, как правило, яростно сопротивлялись мусульманской пропаганде. Самым воинственным индуистским государством была, вероятно, Виджаянагара (название переводится как «город победы»), чья одноименная столица укрывалась за 100-километровым кольцом уложенных в семь кирпичей стен. Раджи Виджаянагары называли себя «владыками Восточного и Западного океанов». Согласно изречениям правителя начала XVI века, «монарх должен улучшать гавани своей страны и способствовать торговле, чтобы без труда завозить лошадей, слонов, драгоценные камни, сандаловое дерево, жемчуга и другие товары... Заставь купцов из дальних иностранных государств, которые закупают слонов и хороших лошадей, торговать только с тобой... Ежедневно принимай их у себя и дари подарки. Пусть они получают достойную прибыль. И тогда эти товары никогда не попадут к твоим врагам»⁵³.

Однако в реальности столица государства находилась очень далеко от моря, а дальние провинции контролировать было непросто. К 1485 году соседи Виджаянагары не только стали препятствовать дальнейшему расширению, но и поставили под угрозу само ее существование. Налоги, собранные в океанских портах, не доезжали до столицы. Маршруты между ними захватили мусульманские правители. Когда Магеллан прибыл в Индию, Виджаянагара оправилась от потрясений, но лишь частично. Независимые, но враждебные друг к другу прибрежные государства предоставили португальцам возможность выторговать себе места для ведения коммерческой деятельности или попросту их захватить.

В 1505 году Магеллан в составе португальской экспедиции, которая должна была обманым или насильственным путем урвать долю в торговле перцем и текстилем, попал на Малабарский берег, где росла большая часть выращиваемого во всем мире перца. Здесь благодаря нескольким крепостям мусульманские султаны собирали дань со своих индуистских подданных и полностью доминировали в торговле – возможно, дело было еще и в «замечательной солидарности», которую один историк усмотрел у мусульман Кералы⁵⁴. Через Каликут (ныне Кожикоде), Каннанор (сейчас Каннур), Кочин (современный Коччи) и Квилон (теперь Коллам) вывозилась большая часть перца для зарубежного рынка – главным образом в Китай. Происхождение самых знатных семейств невозможно уверенно установить из позднейших хроник, которые окутывают их фигуры туманом мифа: одни были местными, другие из Гуджарата⁵⁵. Но независимость им удалось обрести благодаря ослаблению власти Виджаянагары, к тому же торговля перцем по всему миру позволила им удерживать власть или оспаривать ее друг у друга. Каликут, где Магеллан получил первый боевой шрам, был самым успешным городом с военной точки зрения. Он обоснованно претендовал на гегемонию в регионе, что вызывало неприязнь у соседей-соперников. Превосходство Каликута так раздражало их, что, когда прибыли португальцы, они сразу заключили военные и торговые союзы, хотя саморин – наименование правителя Каликута – пытался от них отделаться. В Каликуте, согласно итальянскому путешественнику начала XVI века, «море билось в стены домов», скученных в центре города, однако еще на 10 километров простирались довольно просторные пригороды. Скромный внешний вид города скрывал его богатство: жилища были низкими и легкими, крытыми соломой, поскольку грунтовые воды, на которых стоял город, не позволяли заложить глубокий фундамент. Однако армия правителя Каликута, по слухам, состояла из сотни тысяч воинов⁵⁶.

⁵³ Asher, Talbot. *India before Europe*. P. 77.

⁵⁴ Bouchon G. *Les Musulmans de Kerala à l'époque de la découverte portugaise // Mare Luso-Indicum*, 2.1973. P. 3–59.

⁵⁵ Bouchon G. *Mamale de Cananor: Un adversaire de l'Inde portugais (1507–1528)*. Geneva: Droz, 1975. P. 16–23, 13–37.

⁵⁶ *The Travels of Ludovico di Varthema / Ed. G. P. Badger*. London: Hakluyt Society, 1863. P. 135–136.

Далее к северу располагался весьма богатый мусульманский султанат Гуджарат, чье благосостояние зиждилось на промышленном производстве хлопка, выкрашенного индиго, и общей конкурентной коммерческой культуре мусульманских и джайнистских торговых домов.

Махмуд-шах Бегара в 1484 году отвоевал Чампанер у индуистских властителей и начал масштабную перестройку города, о которой до сих пор можно судить по впечатляющим руинам дворцов, базаров, площадей, садов, мечетей, цистерн для орошения и искусственных озер. Местные мастерские изготавливали шелка, текстиль и оружие, а за городскими стенами разрешалось строить индуистские храмы. Самый могущественный из подданных султана Малик Аяз прибыл в Гуджарат, вероятно, в 1480-х годах в качестве раба: хозяин подарил его султану, восхваляя его доблесть и искусство в стрельбе из лука. Малик получил свободу либо за храбрость в бою, либо, по другой версии, за то, что застрелил ястреба, испражнившегося на голову султана. В награду он получил наместничество в районе, куда входили руины древнего порта, показавшиеся из джунглей незадолго до Малика благодаря его предшественникам. Он стал привлекать корабельщиков из Красного моря, Персидского залива, Малакки, Китая и Аравии, чтобы воротами в северную часть Индии для них стал именно Диу. Его стиль жизни соответствовал масштабу организованной им торговли. Когда он приехал к султану, его караван состоял из 900 лошадей. На него работали 1000 водоносов, а гостям он подавал блюда индийской, персидской и турецкой кухни на фарфоровых тарелках⁵⁷.

Малайский мир, где Магеллан действовал с 1511 по 1513 год, включал континентальную Юго-Восточную Азию. В начале XV века началась ползучая китайская экспансия, и к приходу в регион португальцев китайцы пользовались здесь всеобщей ненавистью. Однако после 1430-х годов династия Мин решила отказаться от заморского империализма и оставить соседние государства в покое, так что теперь они боролись уже друг с другом. Тайское государство – предтеча современного Таиланда – определенно имело желание расширяться и к началу XV века стало крупнейшим в регионе за счет соседей – бирманцев, кхмеров, монов и малайцев. Однако в целом на этой территории не было доминирующей империи: ряд примерно равных государств конкурировали друг с другом.

Острова Индийского и Тихого океанов, примыкавшие к Юго-Восточной Азии, были известны своими торговыми городами-государствами и традициями мореплавания. С коммерческой точки зрения уникальной была Малакка, которая контролировала пролив близ южной оконечности Юго-Восточной Азии, соединявший Индийский океан с китайскими морями. В XV веке на Яве и в окрестностях распространился ислам, что сделало пролив центром притяжения исламских купцов. Однако Малакка была еще и фактическим китайским протекторатом – в связи со своим идеальным положением она помогала направить усилия индийских купцов на восток. В 1402 году китайский флот усадил на трон Малакки марионеточную династию; частые дальнейшие посещения Малакки создавали иллюзию, будто порт – это форпост Китая на дальних берегах. Когда португальцы в 1511 году захватили Малакку, китайцы в ответ подвергли пыткам и тюремному заключению членов первого португальского посольства в Китай. В проливе, над которым возвышалась Малакка, сходились торговые потоки специй с островов и текстиля с Индийского субконтинента. В 1468 году султан Малакки отметил: «Чтобы овладеть голубыми океанами, нужно заниматься торговлей, даже если твоей стране и нечего предложить»⁵⁸. На итальянской карте говорилось, что в Малакке есть «гвоздика, ревень, слоновая кость, драгоценные камни, жемчуга, ароматы, фарфор и прочие продукты, многие из которых

⁵⁷ Pearson M. N. *Merchants and Rulers in Gujarat: The Response to the Portuguese in the Sixteenth Century*. Berkeley: University of California Press, 1976. P. 67–73.

⁵⁸ The Cambridge History of Southeast Asia, vol. 1 / Ed. N. Tarling. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 483.

поступают издалека и следуют в Китай»⁵⁹. Луиш де Камознс, бывавший на Востоке и прославивший его в своих стихах в конце XVI века, возвещал читателям:

А вот торговлей славная Малакка,
Куда купцы всегда спешат без страха⁶⁰.

В начале XV века правитель Малакки обратился в ислам. К концу века обращений стало больше, чему благоприятствовали династические браки или сам процесс распространения ислама: суфийские миссионеры разъезжались в разные стороны из каждого города, в который прибывали. Вероятно, именно из Малакки ислам распространился на Яву, а Ява, в свою очередь, в начале следующего века послужила полигоном для исламизации Тернате – острова в составе Молуккских островов, откуда миссионеры проследовали далее. Провинциальные правители гарантировали приток доходов к дворам султанов в обмен на ничем не ограниченную власть. «Нам, наместникам, – говорил знатный малаец в одной из хроник, – нет никакого дела до вас... Мы делаем то, что считаем нужным, не беспокоя монарха своими проблемами. Он лишь пользуется достигнутыми нами добрыми плодами»⁶¹.

За Малаккой лежали еще два кусочка пазла Магелланова мира: сказочные «острова Пряностей», откуда поставлялась большая часть мускатного ореха, мускатного цвета и гвоздики, и группа островов, впоследствии ставшая Филиппинами и располагавшаяся на пути в Китай. Магеллан не побывал ни на одном из архипелагов во время службы в «Португальской Индии», но хорошо знал о них из адресованных ему писем и разговоров, которые, вероятно, вел в Малакке. Пожалуй, в то время гвоздика была самым дорогим в мире растительным продуктом на вес. На ее выращивании специализировались пять островов: Тернате, Тидоре, Мотир, Макан и Бакан. Согласно португальскому аптекарю Томе Пирешу, который официально отвечал за закупку корицы в начале XVI века (и которого мы еще встретим далее), общее производство составляло около 6000 бахаров в год. Непонятно, что это значило, поскольку точный вес бахара неизвестен, но примерно около 450 фунтов, или чуть более 200 килограммов. Так или иначе, покупатели могли получить баснословный доход: в Малакке гвоздику продавали по цене в 70 раз больше, чем та, за которую она покупалась на Тернате. Гвоздичные деревья вырастают до 12 метров высотой, в дело идут высушенные нераскрывшиеся цветочные почки. Лучший аромат получается, если собрать почки прямо перед цветением: в это время они из белых становятся зелеными, а потом красными, после чего их сушат или коптят на продажу⁶².

Мускатный орех и мускатный цвет (мацис) – семена и присемянники

Myristica fragrans соответственно – поступали в основном с островов Банда, расположенных несколько южнее, за островом, ныне известным как Серам. Оба товара – «плоды, которые мы так любим», как писал Томе Пиреш – ценились в Европе одинаково высоко, но мускатного ореха в целом было больше. Согласно тому же Пирешу, жители островов Банда соглашались продать бахар мускатного цвета только в том случае, если покупатель брал и семь бахаров мускатного ореха. Мускатный орех перед продажей сушили и коптили, в то время как мускатный цвет вялился на солнце, притом из алого он становился желтым. До прибытия португаль-

⁵⁹ Cortesão A. As mais antigas cartografia e descrição das Molucas // A viagem de Fernão de Magalhães e a questão das Molucas: Actas do II Congresso luso-espanhol de História Ultramarina / Ed. A. Teixeira da Mota. Lisbon: Junta de Investigações Científicas, 1975. P. 53.

⁶⁰ Камознс Л. Сонеты. Лузиады. М., 1999 / Пер. О. Овчаренко, под ред. В. Столбова.

⁶¹ Tarling. Cambridge History. P. 409.

⁶² Donkin R. A. Between East and West: The Moluccas and the Traffic in Spices up to the Arrival of Europeans. Philadelphia: American Philosophical Society, 2003. P. 3–13.

цев только малайские торговцы и сами жители островов Банды торговали этими пряностями на месте, в то время как всем остальным приходилось приобретать их уже у перекупщиков⁶³.

Место произрастания пряностей долго было покрыто тайной. Вплоть до XIV века в китайских источниках не было и признака понимания: в географических справочниках товары сопоставлялись с центром их приобретения. Первое свидетельство проникновения китайцев на острова относится к 1349 году, в первом китайском тексте, где упоминаются острова Банда, сообщалось, что «купцы, которые... торгуют в Западном океане, везут с собой такие товары, как гвоздика и мускатный орех... и возвращаются с товарами в десять раз более ценными»⁶⁴.

Переходящие из рук в руки между несколькими соперничающими династиями, острова не имели коллективной идентичности, не могли наладить общую оборону или выбирать по своему усмотрению наиболее перспективных торговцев. Само название «Молукка» буквально означает «много царей», и политически оно являлось вполне оправданным⁶⁵. Соперничество между Тернате и Тидоре носило практически уникальный характер, создавая своеобразное единство, которое парадоксальным образом было основано на разделенности⁶⁶. Среди отличительных характеристик островитян Томе Пиреш называл темную кожу, гладкие блестящие волосы и постоянные междоусобные войны. Ему больше нравились жители Тернате, которых он называл «молуккскими рыцарями»: их почти не затронул ислам, так что они весьма любили вино, а их султан и князя носили золотые короны «скромной стоимости». Мусульман на Тернате было мало – всего две сотни из двухтысячного населения, да и определить их было не так легко: многие из них уклонились от обрезания. По стандартам Молуккских островов султан обладал исключительной местной властью, творя суд и требуя полного повиновения. По мнению Пиреша, он был готов уступить португальцам («Он и его земли подчинялись королю») и принять христианских священников, «чтобы, если наша вера ему понравится, отречься от своих заблуждений и стать христианином»: возможно, после падения Малакки ему просто отчаянно нужны были торговые партнеры. Другие острова управлялись плохо. На Банде Пиреш даже не мог обнаружить какого-либо государства: здесь не было короля, а высшая власть принадлежала деревенским старейшинам⁶⁷.

Молуккские острова – беззащитные и плохо управляемые – искушали любое торговое государство, которое задумывалось о контроле над производством дорогих товаров, а не просто о монополизации торговли ими. В результате они стали главным предметом соперничества между Испанией и Португалией, в ходе которого Магеллан перешел на испанскую службу и возглавил испанскую экспедицию за специями. Но собственные интересы, если отделить их от интересов нанимавших его королей и купцов, скорее касались островов к северу от Молуккских. Филиппины, как они впоследствии были названы, имели два серьезных преимущества: во-первых, они находились близко к Китаю и, соответственно, могли стать идеальной базой для контроля китайской торговли; во-вторых, там добывали золото, которое всегда можно было выгодно обменять почти на любой другой товар, особенно на японское серебро или индийский текстиль. Однако китайцы почему-то никогда не считали острова особенно важными и не пытались их завоевать, даже в тот краткий период, когда государство Мин в начале XV века вело политику заморского империализма. Хронисты династии Сун жаловались на набеги обнаженных, неотесанных, наглых дикарей с «Пи-сье», которые на бамбуковых плотках добира-

⁶³ *Donkin*. Between East and West. P. 149, 156.

⁶⁴ *Rockhill W. W.* Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century // *T'oung Pao* 16. 1915. P. 61–159, 236–271.

⁶⁵ *Thomaz L. F.* As cartas malaias de Abu Hayat, Sultão de Ternate, a El-Rei de Portugal // *Anais de história de Além-mar*, 4. 2003. P. 412.

⁶⁶ *Andaya L. Y.* The World of Maluku: Eastern Indonesia in the Early Modern Period. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993. P. 47–49, 80–81.

⁶⁷ *The Suma Oriental of Tomé Pires*, 2 vols. / Ed. A. Cortesão. London: Hakluyt Society, 2010. 1. P. 213–216.

лись до Фуцзяня на юго-востоке Китая и грабили местные деревни: в поисках железа они срывали дверные ручки и забирали доспехи всадников, которых убивали копьями с приделанными веревочными петлями. В географическом трактате о Юго-Восточной Азии, созданном Чжао Жугуа, есть страницы, написанные, возможно, очевидцем: «На каждом острове живет свое племя... примерно из сотен семей». Их хижины сделаны из камыша, они обильно питаются рисом, кореньями, свининой и домашней птицей. Обитатели горных внутренних районов посылали женщин-водоносок для обмена своего хлопка, кокосов, пчелиного воска и высококачественных циновок на китайские импортные товары – шелковые зонты, фарфор и ротанговые корзины. Жители низин в тексте называются хан-тай и описываются как невысокие, кареглазые и курчавые люди с блестящими зубами, способные ловко залезать на верхушки деревьев – вероятно, чтобы поджидать в засаде дичь и неосторожных торговцев, которые, впрочем, могут откупиться фарфоровыми чашками, – и тогда нападающие, «крича от радости», «удаляются со своей добычей»⁶⁸.

Перспективы для потенциальных захватчиков были весьма привлекательными. Прибрежные районы архипелага были в основном заселены родовыми общинами барангай из 30–100 семейств, хотя на Лусоне, Себу и Вигане такие общины могли насчитывать и 2000 семей, делившихся на семьи вождей – дату, знати (махарлика на основном языке жителей Лусона), свободных людей тимагуа и множества простых крестьян, занимавших подчиненное положение. Некоторые вожди к описываемому времени уже давно выказывали стремление к более широкой власти. С 1372 года в Китай с Филиппин периодически прибывали посольства, получавшие при дворе в подарок шелка, и в правление императора Юнлэ, которому идея построить империю с заморскими колониями казалась особенно интересной, на Филиппины был даже назначен постоянный представитель Китая⁶⁹. Когда в 1521 году на острова добралась экспедиция Магеллана, самый могущественный местный вождь Хумабон явно имел уже собственные имперские амбиции, которыми Магеллан воспользовался, чтобы убедить вождей соседних общин создать единое государство⁷⁰.

Основными преимуществами Филиппин являлись экономические: в начале XV века посольства Пангасинана⁷¹ в Китае всячески демонстрировали богатства Лусона, привозя дань – лошадей, серебро и золото⁷². Томе Пиреш, собиравший в 1511 году информацию в Малакке, подтвердил наличие золота, хотя и «очень низкого качества», а также большое количество сельскохозяйственных товаров, особенно продуктов пчеловодства. Он подчеркивал и политическую раздробленность островов. Его рассказ объясняет, как он, а за ним и Магеллан, который в то время тоже находился в Малакке, узнал об островах: в городе было растущее сообщество мигрантов с будущих Филиппин, «полезных и трудолюбивых»; они открывали лавки и строили дома. Наперекор португальским оккупантам 500 филиппинских купцов, по замечанию Пиреша, «склонялись в сторону бывшего короля Малакки, хотя и не очень открыто»⁷³.

За Филиппинами, насколько было известно Магеллану и другим европейцам, лежал уже только океан. Во время своего великого путешествия он наткнется на одинокие острова, а на Марианских из-за него даже случится резня. Но вопрос был в том, сколько там этого океана. Все, кто об этом задумывался, надеялись, что океан, который Магеллан впоследствии назовет Тихим, окажется узким и удобным для плавания из Атлантики или испанских форпостов в Новом Свете. Пока Магеллан не предпринял попытку, никто ничего об этом не знал. Даже

⁶⁸ *Laufer B.* The Relations of the Chinese to the Philippine Islands // *European Entry into the Pacific: Spain and the Acapulco Galleons* / Ed. D. O. Flynn, A. Giráldez. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 55–91.

⁶⁹ *Laufer.* Relations of the Chinese. P. 59–63.

⁷⁰ *Phelan J. L.* The Hispanization of the Philippines. Madison: University of Wisconsin Press, 1965. P. 15–16.

⁷¹ Пангасинан – регион острова Лусон.

⁷² *Laufer.* Relations of the Chinese. P. 64.

⁷³ *Cortésão.* Suma Oriental. P. 133–134.

после его смерти, как мы убедимся, европейцы не сразу осознали истинную ширину океана. В следующей главе мы рассмотрим самообман в вычислениях некоторых европейских географов и их тщетные надежды.

Из всего неевропейского мира, где бывал Магеллан, нам осталось поговорить только об Атлантическом океане. Во время великого путешествия он служил для Магеллана лишь препятствием, которое надо преодолеть. Берег, к которому он приставал в поисках прохода в Тихий океан, запомнился ему бунтами, кораблекрушением, сокращением рациона и чудовищным холодом. В то время на территории современной Бразилии или юга Южной Америки не было европейских поселений – лишь несколько хижин лесорубов в бразильских лесах, куда путешественники наведывались, чтобы быстро нарубить древесины. Коренные же жители, считавшиеся канныбалами и великанами, были, как мы увидим, своенравными и порой действительно опасными. Однако все предприятие Магеллана было бы немислимым без долгой истории предшествующего изучения Атлантического океана и установления надежных транс-океанских маршрутов. Во времена Магеллана Атлантический океан был основным путем из Европы в остальной мир. Он способствовал соприкосновению прежде разделенных культур. Разрозненные, изолированные миры Античности и Средневековья начали контактировать, что в итоге произвело на свет тот полный взаимосвязей мир, что известен нам.

Как это произошло? Как нескольким европейским странам на берегах Атлантического океана удалось в поисках новых земель покрывать беспрецедентные расстояния, следуя ранее неизвестными путями? Соблазнительно было бы искать объяснения в теории «вызова и ответа», согласно которой суровые условия способствуют развитию человеческой изобретательности и в конечном счете прогрессу, или концепции «инвестиций в культуру в трудные времена», которая изначально пыталась объяснить Возрождение направлением в культуру и искусство тех средств, которые не смогла бы освоить слабая экономика⁷⁴. Однако лучшее объяснение кроется в карте ветров океана. Большую часть истории ветры и морские течения играли огромную роль в создании условий (а иногда и в самом предопределении направлений) для путешествий во всем мире. Единственный приемлемый морской путь из Европы лежит на запад, где в сторону побережья дуют стабильные ветры. В отличие от муссонных систем, где ветер меняет направление в зависимости от сезона, в Атлантическом океане направление ветра, как правило, устойчивое; изменения непредсказуемы, редки и в основном недолги. На протяжении большей части века парусов мореплаватели, собиравшиеся пересечь океан, должны были идти против ветра, так что в результате их относило назад и им не удавалось открыть никаких новых земель или путей. Норвежские открыватели Северной Америки в X–XI веках решили эту проблему, плывя на запад вместе с течениями, которые пересекают Атлантический океан у самой Арктики, а затем находя западный ветер, который доставлял их домой. Но этот путь вел лишь в сравнительно бедные и малонаселенные регионы.

Чтобы Атлантический океан стал главным для европейцев путем в остальной мир, мореплавателям нужно было найти способ использовать систему стабильных ветров. Им нужно было обнаружить ветры, которые способны доставить их в коммерчески важные районы. Такими служили в первую очередь северо-восточные пассаты, которые легко было поймать из Испании и Португалии: они вели в богатые ресурсами, густо заселенные части Нового Света, находящиеся намного южнее тех, что были открыты норвежцами. После этого западные ветры в более северных широтах могли доставить их домой. Южноатлантическая система ветров, благодаря юго-восточным пассатам и западным ветрам далеко на юге океана, способствовала попаданию европейцев в Индийский океан или, как обнаружил с куда большим трудом Магеллан, в Тихий океан – если обогнуть Южную Америку.

⁷⁴ *Toynbee A. J. A Study of History, vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1987. P. 570; Lopez. Hard Times.*

Технология, позволявшая воспользоваться атлантической системой ветров, развивалась постепенно и медленно на протяжении XIII–XV веков. Как и большинство технологий в истории, она сформировалась методом проб и ошибок. Мы мало знаем об этом процессе, поскольку он не был как следует задокументирован. Никому не известные корабли совершенствовали конструкцию корпуса и снастей – а стало быть, и маневренность судов, а также делали все более удобные для долгосрочного хранения бочонки для пресной воды, необходимые для долгих путешествий. Историки по традиции подчеркивают вклад науки в создание морских карт и инструментов для навигации по звездам. Сейчас же оказывается, что эти новшества вовсе не имели значения: похоже, что европейские мореплаватели в то время ими попросту не пользовались.

Помимо постепенного развития технологий, к исследованию морских путей в большой мир европейцев подталкивало увеличение знаний о ветрах и течениях. Европейское открытие Атлантического океана начиналось из глубин Средиземного моря – изначально мореплаватели направлялись туда из Генуи и с острова Майорка. В XIII веке они пробились через Гибралтарский пролив, где встречное течение мешало выходу из Средиземного моря. Оттуда одни повернули на север, к знакомым европейским берегам Атлантики. Другие направились на юг, в неведомые воды, и в течение нескольких веков познакомились с Мадейрой, Канарскими островами и Атлантическим побережьем Африки. Эти первые попытки отнимали много времени и сил, поскольку исследователям были известны лишь небольшие участки океана прямо перед ними, где ветры, казалось, дули беспрестанно. Мореплаватели были подобны дешифровщикам, лишенным информации, с которой можно было бы работать. К тому же исследования были прерваны или по меньшей мере сильно замедлены «черной смертью» и последовавшим в середине XIV века экономическим спадом.

Только благодаря долгому накоплению информации и опыта удалось совершить существенный прорыв. Мореплаватели не имели возможности вычислять долготу, пробиваясь домой против ветра. Им приходилось все дальше уходить в море, чтобы поймать западный ветер и лечь на него по дороге домой. Это привело к открытию Азорских островов, протянувшихся цепочкой посреди океана более чем в 1100 километрах от Португалии. Морские карты, составленные не позже 1380-х годов, фиксируют все острова этой группы, кроме двух. Появилась возможность совершать гораздо более долгие путешествия по открытому морю. С 1430-х годов португальцы построили на Азорских островах аванпосты с пшеницей и дикими овцами, где проходящие корабли могли запастись провизией⁷⁵.

На протяжении XV века проводились постоянные попытки освоения Атлантического океана, по большей части обреченные на провал: корабли попадали в зону западных ветров. Возможно, мореплаватели сами выбирали такой маршрут, чтобы быть уверенными в том, что смогут попасть домой. По редким картам и разрозненным документам все еще можно проследить очень скромные и постепенные достижения в деле исследования Атлантики. В 1427 году португальский штурман Диогу де Силвеш впервые установил приблизительное расположение Азорских островов относительно друг друга. Чуть позже 1450 года были открыты самые западные из Азорских островов. На протяжении трех следующих десятилетий португальская корона часто снаряжала экспедиции в глубь Атлантического океана, но ни одна из них, насколько нам известно, не принесла значительных результатов. Возможно, проблема была именно в том, что они отправлялись с Азорских островов, где попадали в полосу западных ветров, прибивавших их обратно к берегу⁷⁶.

⁷⁵ *Serrão J.* Le blé des îles atlantiques: Madère et Açores aux XVe et XVIe siècles // *Annales* 9. 1954. P. 337–341.

⁷⁶ *Fernández-Armesto F.* Atlantic Exploration before Columbus: The Evidence of Maps // *Renaissance and Modern Studies* 30. 1986. P. 1–23.

Изучение Атлантики не только медленно продвигалось, но и не приносило существенных выгод. Исключением стал остров Мадейра, плативший в португальскую казну огромные налоги после того, как в середине XV века там стали выращивать сахарный тростник. Надежды путешественников выйти на прямые контакты с источниками западноафриканского золота не оправдались, хотя им и удалось получить золото сравнительно недорого через торговлю с королевствами Западной Африки. Там же приобретали и другой товар, который можно было продать на европейских рынках. С 1440 года португальские авантюристы стали вывозить все больше рабов: кого покупали, кого захватывали. Однако рынок рабов был ограничен: в Европе не было плантаций, где их потребовалось бы огромное количество, как впоследствии на юге США; большинство рабов в Европе становились домашней прислугой.

Канарские острова привлекали значительные инвестиции, поскольку там имелись натуральные красители и можно было выращивать сахарный тростник. Но местные жители оказали европейцам ожесточенное сопротивление, так что завоевание островов оказалось делом долгим и дорогостоящим⁷⁷.

Однако в 1480-х годах ситуация изменилась, а исследования Атлантики стали окупаться. В Северной Атлантике, судя по таможенным записям из английского порта Бристоль, значительно увеличилось поступление продуктов китобойного промысла, соленой рыбы и моржового клыка. В Западной Африке португальцам удалось основать аванпост Сан-Жоржи-да-Мина у устья реки Беньи в непосредственной близости от золотых рудников в долине Вольты. После этого в руки европейцев потекло огромное количество золота. В 1484 году на Канарских островах наконец-то началось производство сахара. В том же десятилетии португальцы установили контакт с королевством Конго. Хотя путешествия в сторону южной оконечности Африки и вокруг нее были затруднены из-за постоянных встречных течений, они показывали, однако, что на юге Атлантического океана дуют западные ветры, с помощью которых, вероятно, можно достичь Индийского океана. К концу 1480-х годов стало ясно, что вложения в Атлантику могут оказаться доходным делом⁷⁸.

1490-е годы стали прорывным десятилетием: европейцам удалось пересечь океан и достичь другого континента. В 1492–1493 годах Христофор Колумб во время путешествия, которое спонсировали итальянские банкиры и испанские чиновники, обнаружил быстрые и надежные пути через Атлантику, связавшие Средиземное и Карибское моря. В 1496 году Джон Кабот, еще один итальянский путешественник, финансируемый бристольтскими купцами и английской короной, нашел прямой маршрут через Северную Атлантику: на запад весной при помощи переменных ветров, обратно – при помощи ветров западных. Однако маршрут был ненадежен, и в течение следующей сотни лет его использовали только для добычи трески у острова Ньюфаундленд. Когда в 1497 году Васко да Гама нашел путь в Индийский океан, уже удалось понять систему ветров в Южной Атлантике, где царили северо-восточные пассаты и сильные западные ветры на юге.

Прорывные открытия 1490-х годов обеспечили длинные прямые маршруты морской торговли между Европой, Азией и Африкой. Этот успех можно было бы считать внезапным, но на самом деле он был предопределен постепенным развитием навигации и науки в Европе, а также теми выгодами, которые принесли исследования Атлантики в предыдущем десятилетии. Только ли в этом причина? Или же в европейской культуре было что-то особенное, благодаря чему именно европейцы, а не исследователи из других цивилизаций открыли связывающие весь мир маршруты из Старого Света в Новый, а из Индийского океана в Атлантический? Некоторые европейские историки именно так и утверждают: дескать, у европейцев было нечто такое, чего не было у других.

⁷⁷ Rumeu de Armas A. La conquista de Tenerife. Santa Cruz de Tenerife: Aula de Cultura, 1975.

⁷⁸ Fernández-Armesto F. Columbus. London: Duckworth, 1996. P. 19–21, 49.

Однако это предположение кажется малообоснованным. Как мы увидим в следующей главе, некоторые путешественники – в том числе Магеллан – руководствовались специфически европейской моделью поведения, которая поощряла моряцкую доблесть; в Испании и Португалии были монархи и миссионеры, чьи религиозные взгляды предусматривали проповедь христианства язычникам словом и делом. Однако по сравнению с жителями прибрежной Азии европейцы стали предпринимать дальние путешествия достаточно поздно. Атлантический океан, к которому имеет выход Европа, довольно специфичен: господствующая в нем система ветров много веков затрудняла его исследования, но сразу после установления надежного маршрута путешественникам воздалось сторицей. Кроме того, нужно отметить, что великие открытия совершили не абстрактные «европейцы», а жители нескольких стран Атлантического и Средиземноморского побережий. Их отличала не какая-то особенная культура, а то, что они начинали путешествия из подходящих мест.

Выход европейцев в Атлантику стал результатом скорее не науки или мощи, а самообмана и отчаяния. В этой гонке имело смысл быть догоняющим. Процветающим культурам, имевшим доступ к Индийскому океану, не казалось нужным пускаться на поиски дальних земель и морей в надежде на новые ресурсы. А вот для ограниченной в средствах Европы попытки покорить Атлантический океан были сродни попыткам современных недостаточно развитых стран бурить свой шельф в отчаянных поисках нефти или газа. И в каком-то смысле они оправдались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.